

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АННА КАЛИНКИНА
КОШКИ-МЫШКИ

FUTURE CORP.

Анна Калинкина
Метро 2033: Кошки-мышки
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «Станция-призрак», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6264009

Метро 2033: Кошки-мышки: [роман] / Анна Калинкина.: АСТ; Москва;

2013

ISBN 978-5-17-078560-5

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Она живет сама по себе и ходит, где вздумается. Она не принадлежит ни к одному государству Московского метрополитена и берется только за те дела, которые выбирает сама. Она — легенда. Мрачноватая, но от того — притягательная. Кровожадная убийца. Мутант. Выродок. Женщина, выполняющая мужскую работу. Женщина, за голову которой мужчины назначили награду. Каждый день — как последний. Каждый час — игра в кошки-мышки с судьбой. Ни дома, ни семьи, ни друзей. Лишь надежда на сталкерскую удачу, звериное чутье да помощь таинственной святой Алики Заступницы. Беги, Кошка! Беги...

Содержание

Зачем опять трилогия	6
Глава 1	16
Глава 2	44
Глава 3	74
Глава 4	107
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Анна Калинкина

Метро 2033: Кошки-мышки

Автор идеи — Дмитрий Глуховский

Оформление обложки — Илья Яцкевич

Карта — Леонид Добкач, Илья Волков

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.А. Глуховский, 2013

© А.В. Калинкина, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Зачем опять трилогия

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Есть в числе «три» какая-то гармония. Троица, Троя, русская тройка, «ноль-три»... В мифах, в религии, в реальной жизни — от этого числа веет необъяснимым волшебством. Оно самодостаточно — потому что содержит в себе самое главное — начало, продолжение и конец, оно неколебимо, потому что на трех своих составных частях зиждется как на трех точках опоры. Тренога, третий срок, трояк в школе — как последняя надежда на выживание... Трилогия.

Любой фильм делится — по законам театральной драмы, сформулированным древними греками, — на три акта. Завязка, кульминация, развязка. Те же части есть и в романах. И когда история слишком эпична, слишком велика, чтобы уместиться в одной книге, она, бывает, захватывает сразу три.

Андрей Дьяков, Сергей Антонов, Андрей Буторин, Дж. Р.Р. Толкиен, Денис Шабалов... Все они мыслят трилогиями. И Анна Калинкина отныне присоединяется к сей distinguished плеяде.

Третья часть позволяет поставить точку в истории. Третья часть нужна, чтобы исправить ошибки молодости, допущенные в первых двух. Чтобы учесть пожелания читателей

и чтобы устать критиков. Чтобы самим уже утомиться от своих героев и читателей ими утомить. Чтобы завершить конструкцию, придав ей искомую самодостаточность и стабильность. И кстати, трилогии лучше смотрятся на книжной полке, хотя кого это интересует в век пиратских электронных библиотек.

В общем, любого желающего написать трилогию во «Вселенную Метро 2033» мы всячески приветствуем, потому что мы — за космическую гармонию двумя руками. Даже тремя.

Я серьезно. А насколько серьезно, вы можете узнать на сайте Metro2035.ru

Привет.

Дмитрий Глуховский

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АНДРЕЙ БУТОРИН
ДОЧЬ НЕБЕСНОГО ДУХА

PC ПЛЮС К СЕРИИ

После отражения нападения варварских орд на Полярные Зори в жизни рыжего саама Нанаса и его жены, «дочери небесного духа» Нади Будиной, кажется, наконец-то наступило долгожданное затишье. Казалось бы — живи да радуйся. Но Надя не может успокоиться, пока не побывает на месте гибели своего отца. Начальник гарнизона города Ярчук обещает помочь в обмен на сокровища, оставшиеся на базе подлодок в Видяево. Но только ли в этом дело? Кто знает, какие сюрпризы уготовила судьба молодоженам и их верным друзьям? Ведь это — Север. Тут все иначе...

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АНДРЕЙ ДЬЯКОВ
ЗА ГОРИЗОНТ

ПУТЯК СЕРИИ

Встречайте завершение трилогии самого популярного автора «Вселенной Метро 2033», двукратного лауреата премии «Лучшая книга Вселенной»!

Империя Веган начинает тотальную экспансию с целью подчинения всего Питерского метро. Одновременно с этим Таран, Глеб и их команда узнают о секретном научном проекте «Алфей», благодаря которому есть шанс очистить от радиации всю поверхность Земли. Но у противостоящих сторон свои взгляды на то, где должен находиться самый умелый наемник Петербурга во время войны. Из города приходится пробиваться с боем, навсегда сжигая за собой мосты. Впереди — многие тысячи километров смертельно опасного пути и постоянный страх — за себя, за друзей, а главное — страх того, что там, за горизонтом, может не оказаться ровным счетом ничего...

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДЕНИС ШАБАЛОВ
ПРАВО НА ЖИЗНЬ

GSC GAME WORLD

Вся история человечества — это войны, борьба. Борьба за выживание, за ресурсы, за независимость, за веру, за идеалы... Какой там гуманизм, какое «возлюби ближнего своего»?! Хочешь жить? Убей и забери. Вот и вся философия. Ведь право на жизнь и право на силу всегда идут рука об руку. Данил Добрынин и его боевые товарищи знают: если не взять штурмом хранилище Росрезерва — их родное Убежище рано или поздно превратится в могильник. Они просто хотят жить, и это их право — право на жизнь...

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АНДРЕЙ ГРЕБЕНЩИКОВ
ОБИТЕЛЬ СНОВ

PC
POTLUK GROUP

Кому нужен антиквариат в постапокалипсисе? Не автомат или ботинки, сделанные еще до ядерного армагеддона, а настоящий, вроде мобильного телефона или цифрового фотоаппарата? Никому? Преуспевающий бизнесмен Александр Кузнецов со станции Московского метро Бульвар Дмитрия Донского, или просто «Дон», может с этим поспорить. Дело уважаемого антиквара столь прибыльно, что его единственный родственник и наследник, юный племянник Ник, по меркам Метро вполне может считаться «золотой молодежью» и жить припеваючи. И вдруг все меняется — настолько резко, что дух захватывает. Кто виноват? Злой случай? Судьба? А может, ответы хранятся в маленькой черной коробочке?..

Глава 1

Уходим под воды

Женщина стояла, стараясь не шевелиться. Дуло пистолета упиралось ей в затылок.

— Ты пойдешь с нами. Ты хорошо меня поняла?

— Да, — выдохнула она почти беззвучно.

— Не слышу.

— Да, — повторила она громче. Обстановка не располагала к спорам. Вот дрогнет палец этого психа на спусковом крючке — и все кончено. Не то чтоб она так уж держалась за жизнь, но все же обидно погибать по глупости.

Пожилой мужчина в камуфляже, чуть помедлив, опустил пистолет. Она, не глядя на него, потерла затылок в том месте, где все еще ощущала прикосновение металла.

Ничего. Она еще расквитается с ним потом. Не стоило ему так себя вести.

И что самое противное — никто из обитателей станции Фрунзенская внимания на эту сцену не обращал. Исхудававшие

люди в потрепанной военной форме проходили мимо, словно такие разборки были для них в порядке вещей. Делали вид, что ничего не замечают, предпочитали не вмешиваться. Поблизости, правда, крутился какой-то шустрый тип,

но вряд ли за тем, чтобы вступить за нее.

Впрочем, она давно уже не ждала от людей ничего хорошего. Здешние жители увешали свою станцию красными флагами, как это в обычае на всей Красной Линии. Издали это еще могло произвести впечатление, но вблизи становилось заметно, что полотнища ветхие и выцветшие, стены потрескались, а у жителей станции изможденные лица. Хотя за чистотой следят, этого у них не отнимешь.

Чуяло ее сердце — не надо было связываться с этим заданием. Но заплатить обещали хорошо. И на первый взгляд, трудностей ничто не предвещало...

* * *

Она была тогда на Парке Культуры и как раз искала работу. Бродила по станции, щурясь от чересчур яркого для нее света. Серые массивные колонны, оттертые дочиста, невыносимо блестели. «Зачем только их так надраивают?» — думала она. Ей по вкусу был полумрак.

На Ганзу — содружество торговых станций Кольцевой линии — попасть мог не каждый, но у нее были сталкерские «корочки» на имя Катерины Тишковой. По такой ксиве беспрепятственно пропускали всюду — и на Ганзу, и в Полис, и в Рейх, и на Красную Линию. На практике часовые всегда могли к чему-нибудь придраться, но тут уж как повезет. Ей чаще везло. Она научилась держаться уверенно, чтобы

не вызывать лишних подозрений, а в случае непредвиденных осложнений дополнительным аргументом служила пригоршня патронов. Обычно часовые охотно брали мзду — они не знали, что кое-кто готов был заплатить за ее голову в сотни раз дороже. А если кто и узнал потом, то, наверное, надолго лишился сна.

Разумеется, имя и фамилию она придумала, но кого это волновало? Если очень хорошо заплатить, лишних вопросов тебе обычно не задают. А она могла себе это позволить: ее работа была опасной и потому оплачивалась неплохо. Вот только иной раз приходилось перебиваться случайными заработками от одного выгодного задания до другого.

Интересно, кто этому седому посоветовал обратиться именно к ней? Она разглядывала разложенные на лотке у торговца ножи, когда тот подошел и встал рядом. Она оглянулась и решила, что он ей не очень нравится. Лицо в морщинах, водянистые серые глаза, щеточка усов. Зато взгляд такой, как будто он тут самый главный. Не любила она таких. Отвернулась было, но он тронул ее за локоть:

— Отойдем-ка. Дело есть.

— Какие у тебя ко мне дела могут быть? — буркнула она.

— Значит, меня неправильно информировали, и подзаработать ты не хочешь?

— Смотря как.

— Пойдем, потолкуем. Ничего особенного делать не придется, проведешь нас кое-куда. А за ценой не постоим.

И она пошла за ним, понимая, что здесь, возле навестрившего уши торговца, он ничего ей больше не скажет. Подумай, какие секреты!

— Куда провести-то надо? — спросила она опять, когда они остановились подальше от людей.

Седой огляделся по сторонам и, понизив голос, спросил:

— А не проболтаешься?

— Не бойся, я молчать умею.

Он торопливо написал что-то огрызком карандаша на клочке бумаги, показал ей. Потом тут же изорвал бумагу на мелкие кусочки.

«Точно псих», — подумала она. — Впрочем, здесь большинство безумцев рано или поздно свихивается на Изумрудном Городе. И особенно с Красной Линии почему-то. А седой с Красной линии — это и к гадалке ходить не надо.

Они все думают почему-то, что в Изумрудном Городе, в подземельях легендарного Университета, до сих пор обитают ученые. Что там совсем иначе, чем в метро, — у людей в избытке электроэнергия, тепло и свет, вдоволь нормальной еды. Что они могут себе позволить не думать о бытовых трудностях, а продолжать заниматься наукой. Жить полной жизнью, а не влачить жалкое существование, как здесь. В метро ведь только на Ганзе, на кольце, жизнь еще более-менее сносная. Ну, может, еще в Полисе, где обитают военные-кшатрии и брамины из Великой библиотеки. А на Красной Линии, говорят, многие впроголодь живут, на голом энтузиазме.

Впрочем, какое ей дело до чужих заскоков, — лишь бы платили. На Изумрудном Городе она уже неплохо зарабатывала. Правда, из последней экспедиции кроме нее вернулся лишь один человек — а выходило их шестеро. Но она же не виновата, что они не умеют вести себя на поверхности. Она честно предупреждала — путь опасный. И тогда они подобрались к загадочному дворцу куда ближе, чем ей раньше случалось. Сначала по старой, разбитой дороге от Киевской топали чуть ли не полночи. Еще когда только вышли на вокзальную площадь, где до сих пор стояло несколько огромных заржавевших автобусов, а один валялся опрокинутый, — она сразу предупредила, что место нехорошее. Справа — остатки вокзала, по левую сторону — река. За спиной — полуразрушенный комплекс торговый, давным-давно разграбленный. Все полезное оттуда давно уже вынесли и по нескольку раз перепродать успели. За рекой — дворец-высотка. По слухам, там не только вичухи теперь живут, а кое-кто и похуже. Старые люди говорили, что Изумрудный Город тоже на тот дворец похож. Только непонятно, с чего они взяли, что именно там кто-то живой остался? Ну да это не ее дело, главное, чтоб платили. В общем, она к себе прислушалась, — и внутренний голос подсказал, что река, конечно, плохо, но вокзал — еще хуже. Вот и повела она своих подопечных вдоль реки, стараясь, Впрочем, не приближаться к берегу. Сначала по правую руку дома разрушенные попадались, а когда обвалившийся мост миновали

— не стеклянный, а следующий, обычный — углубились в джунгли. И лишь старая полужаросшая разбитая дорога пролегла сквозь них — и то приходилось постоянно через деревья упавшие перелезть или ржавые остовы машин обходить. Но они много сумели пройти. Чем дальше продвигались, тем выше был склон по правую руку, поросший буйным лесом. Такие звуки иной раз доносились оттуда, что даже ей не по себе становилось. А спутники ее — ничего, держались. Видно было, конечно, что трусят очень, но старались виду не показывать. Как что услышат — остановятся на минутку, потом машут ей — мол, пошли дальше.

Таким манером дошли они до большой прогалины, и старший показал — здесь, мол, будем на холм взбираться. И даже наполовину преодолели склон, на котором до Катастрофы был оборудован подъемник. Казалось, еще немного — и увидят в свете луны вожденную цель, высокое, похожее на дворец здание со шпилем. И тут началось.

Твари, атаковавшие их, устроили себе логово там, где на склоне стояла гигантская горка. Они скатывались сверху и сбивали людей с ног. А вокруг валялись оборванные металлические тросы, разломанные сиденья — остатки подъемника. Ее спутники спотыкались об эти тросы, запутывались в буйно разросшейся траве, как в сетях, падали, не успевая убежать. И твари настигали их.

Трое погибло там. Потом, когда выжившие шли обратно к Киевской вдоль набережной, по остаткам старой дороги,

стараясь держаться подальше и от джунглей слева, и от плескавшей справа реки, тонкое длинное щупальце, появившись в проломе каменной ограды, оплело крайнего из них и быстро утащило в воду — он и пикнуть не успел. Она и единственный уцелевший член экспедиции все же вернулись тогда на Киевскую. Это ее и спасло — он смог подтвердить остальным, кто про экспедицию знал, что ее вины в случившемся не было.

Помнится, она еще подумала тогда: «Вот за что особенно не люблю эти экспедиции — вариантов отхода практически нет: до ближайшего метро — пятьсот километров тайги, как говаривал один старик у нас на станции...

Но, несмотря на это, всегда находятся новые безумцы, готовые ради мечты рисковать своей шкурой. Интересно, у кого-нибудь когда-нибудь получится? Может быть, именно в этот раз они дойдут? Но что, если там ничего нет?..»

Когда она сказала Седому, сколько хочет за свои услуги, он только крикнул:

— И почему я должен столько тебе платить? За такую цену я мог бы, наверное, самого Хантера нанять!

Она была готова и к этому вопросу и невозмутимо ответила:

— Потому что я могу видеть в темноте. Ответила, и внутренне вся подобралась, напряглась. Она всегда боялась сознаваться в этом. Но рано или поздно этот момент все равно наставал — когда речь заходила о цене. Если бы она умол-

чала о своих способностях, ее цена была бы куда меньше. Но рассказывать о них тоже было рискованно. Мутантов в метро не любили.

Так и есть. Она уловила, как изменилось лицо клиента.

— А, так ты из этих...

Она пожала плечами. Кажется, пронесло — хоть он глядел на нее брезгливо, но крика поднимать или угрожать не стал. Видно, очень ему толковый проводник нужен. «Ну что ж, может, и сторгуемся, — подумала она, — ак взглядам ко-сым мне не привыкать». Если он готов честно платить за работу, то какая разница, как он относится к мутантам, считает их за людей или нет? Когда дело будет сделано, она получит, что ей причитается, уйдет и, возможно, больше никогда его не увидит. К тому же — спасибо тем уродам, которые чуть ее не убили — она теперь не так уж и отличается от остальных людей. Шрам на месте отрубленного шестого пальца скрыт черной кожаной митенкой, а остаток уха прикрыт волосами — к тому же это увечье всегда можно объяснить боевым ранением, еще больше уважать будут.

— Ну ладно, не важно, — примирительно пробормотал клиент. Понятно, успел уже оценить ее добротную экипировку, новенький защитный костюм, удобные и прочные тяжелые кожаные ботинки. Если она может себе позволить прилично одеваться, значит, неплохо зарабатывает.

— Как звать-то тебя?

— Катериной. Можно Кэт.

Так называл ее один придурок с родной станции. Ей это прозвище нравилось, потому что выговаривалось легко и быстро. Впрочем, на станции у нее было и другое имя, но об этом она каждому встречному рассказывать не собиралась.

— Радистка Кэт, значит?

— Я не радистка, — сердито буркнула она. — Просто Кэт. Или Катя, мне все равно.

— Ладно, Катя. Просишь ты, конечно, многовато, но если все получится, то патронов не пожалею — еще и добавлю.

Интересно, откуда у него столько? Ограбил партийную кассу? Как ему удалось раскрутить генсека Красной Линии товарища Москвина на такую дорогостоящую экспедицию? Впрочем, это ее не касается. Как раз на такие вот бредовые проекты люди почему-то охотнее всего ведутся. Зависит от того, как преподнести.

— Так не пойдет, — сказала она. — Половину отдадите мне сразу, перед выходом. Вторую — когда вернемся. Дойдем мы куда надо или нет, это неважно. Вы мне платите, чтоб вас провела. Я проведу. А уж как далеко мы уйдем — от вас самих зависит.

Не в ее интересах было сразу лишать их надежды.

* * *

Они направились в тоннель в сторону Киевской, затем свернули в боковой тоннель и вскоре увидели решетки, ча-

совых и красные флаги. Седой провел ее через заставу Красной

Линии — видимо, его здесь хорошо знали: часовые отдали ему честь, а на ее документы взглянули лишь мельком. И вот тогда в первый раз возникло у нее недоброе предчувствие, пробежало холодком по позвоночнику. Она сама не могла бы объяснить, что ее насторожило. Но чутье подсказывало — лучше бы отказаться. Зря она не прислушалась к этому предупреждению. «Успею уйти, — подумала она, — надо сначала узнать поподробнее про задание».

Радиальная станция Парк Культуры по сравнению с богатой, хорошо освещенной кольцевой станцией, принадлежавшей Ганзе, выглядела полутемной и почти нежилой. «Вот сразу разница чувствуется, — подумала она. — Кольцевая-то понарядней будет. Там между светло-серыми колоннами арки полукруглые, и в промежутках между ними овальные картинки, на которых люди изображены. Хотя от этого великолепия, да еще при ярком освещении, глаза режет. А на радиальной станции колонны квадратные, высокие, зато кажется, что здесь просторнее. И каждая колонна словно еще раз отражается в стене напротив, покрытой кафелем, надранным до блеска». А еще ей понравились два мостика над путями. На один из них они и поднялись по ступенькам, повернули — там обнаружилось служебное помещение, отгороженное белыми пластиковыми обшарпанными панелями. На них даже сохранились полустершиеся картинки — прав-

да, разобрать уже почти ничего нельзя было, но она успела прочитать непонятное слово «сэндвич», а картинка явно имела отношение к еде. У нее даже в желудке заурчало. Может, это их столовая? Было бы неплохо.

Седой открыл облезлую дверь и пропустил ее в небольшое помещение, куда, кроме него, протиснулись еще двое. Первый — светловолосый парень с короткой стрижкой, чуть полноватый, в новенькой военной форме. Лицо у него было, пожалуй, приятное и открытое, но при этом какое-то вялое, а серые глаза глядели сонно и безразлично. Казалось, по поводу происходящего вокруг него он испытывает только скуку.

«Рохля какой-то, — подумала она, — но так даже лучше. Наверное, начальника какого-нибудь сынок — оттого и раскормленный». Подавляющее большинство жителей вечно голодной Красной Линии выглядели куда более истощенными.

Другой был тощим, щуплым, с морщинистым лицом и выглядел так, словно постоянно принимался. Он все время нервно переминался с ноги на ногу, и она мысленно окрестила его Топтуном. Она любила давать нанимателям клички — про себя, конечно. Потому что иной раз они гибли так быстро, что запомнить имена и фамилии она не успевала.

Тут же ясно стало, что она ошиблась, — в помещении обнаружилось только несколько ободранных пластиковых стульев. Значит, на кормежку пока надеяться не приходилось.

Топтун, оглядев ее, недовольно сморщился. «Противный

тип, конечно, — подумала она, — но вряд ли опасный. С таким в случае чего можно справиться без труда...»

Седой назвал ей их имена — Впрочем, она особо не прислушивалась. Разобрала только, что Рохлю, кажется, зовут Пашей.

— А зачем было бабу нанимать? — подозрительно спросил Топтун. — Что, мужиков подходящих не нашлось?

— Она тоже не промах. И к тому же видит в темноте, — пояснил Седой.

Услышав это, Рохля с некоторым любопытством поглядел на нее. Топтун же сморщился, словно хлебнул кислого.

— Так она из этих, — пренебрежительно констатировал он, словно бы ее здесь и не было.

Она знала и терпеть не могла эту манеру нанимателей — заранее охаять, чтоб потом смотреть свысока. Не иначе как поторговаться хотят. Ничего, она стерпит. Но за каждый ко-сой взгляд им придется заплатить дополнительно. Пусть не думают, что мутанты — существа второго сорта.

Впрочем, она почти ничем не отличается от обычного человека. Но в том-то и загвоздка — в коротеньком слове «почти». Разница практически неразличимая, в критических обстоятельствах могла стать роковой. Всегда легче в трудную минуту пожертвовать жизнью мутанта, утешаясь тем, что он, в сущности, не совсем человек. Даже если очень похож.

Но сейчас она не собиралась вести с ними беседы о правах

мутантов. Не тот был момент, не та обстановка.

Топтун, казалось, наконец справился с разочарованием. Лишь напоследок выразительно вздохнул, пожал плечами и закатил глаза, словно показывая, что выбор не одобряет, да что ж теперь делать.

— Еще кто-нибудь идет с нами? — спросила она.

— Да, еще сталкера прихватим и ботаника одного, — ответил Топтун.

— Это кого? — настороженно спросил Седой.

— Серега собирался с нами. Пусть идет. Вдруг и впрямь ученых найдем — ему хоть будет с кем потолковать на равных, вспомнить былое, — усмехнулся Топтун.

Седой как будто успокоился при этом известии.

— Ну, пусть идет, — согласился он.

— А откуда пойдем — с Киевской? — спросила она.

— Ты смотри — разбирается! — довольно хмыкнул Седой. — Нет, Катя, у нас другой план. Хотим по подземному туннелю пройти.

И увидев изумление в ее глазах, пояснил:

— От Спортивной один туннель отходит, который ведет в направлении Университета.

Развернув сложенный вчетверо тетрадный лист, он показал непонятную схему:

— Вот видишь, некоторые думают, что он прямо через подвалы Университета проходит. Метро— Два, слышала про такое? А если нет, то хотя бы где-нибудь на Воробьевых го-

рах окажемся, — он ткнул пальцем в чертеж, — а отсюда уже рукой подать. Господи, как давно я не был в тех местах! — вдруг с чувством сказал он. — Самому не верится, что снова увижу Воробьевы горы.

Она усмехнулась про себя. Рожденные до Катастрофы помнят много лишнего. В этом их сила — и в этом их слабость.

— Только вот что с воротами будем делать? — хмыкнул Топтун.

— Ничего, на месте разберемся, — загадочно сказал Седой. — Есть у меня идея...

Она совсем было успокоилась. Задача, кажется, была даже проще, чем ей показалось сначала. Если они готовы столько платить за прогулку по туннелям, это их проблемы. И все-таки что-то ее настораживало. Где-то здесь был подвох, только она пока не понимала, где именно.

— Выходим завтра утром. До Спортивной на дрезине доедем — я договорился, — сообщил Седой. — Вечером еще обсудим подробности.

* * *

Но вечером они уже почти ничего не обсуждали. Сидели у костра — Рохля, Седой, еще один военный, сосредоточенный и сдержанный, его фамилию она запомнила — Ермолаев. И мужчина лет сорока, видимо, тот самый «ботаник»

Сергей, на которого она сначала почти не обращала внимания. Он тоже был в военной форме. Волосы светлые, с проседью, лицо усталое. В разговор сначала вообще не вступал — рисовал что-то в блокноте. Впрочем, говорили они, с ее точки зрения, обо всякой ерунде. Она решила, что Седой просто хочет заранее познакомить между собой участников экспедиции. Пожалуй, это было правильно. «Умный старик, — подумала она. — Хотя и вредный». Седой то и дело называл ее то пианисткой, то радисткой и довольно хихикал, будто сказал что-то ужасно смешное. Видно, это была шутка, понятная только ему.

— А может быть, зря идем? Может, в тех подвалах нет никого? — спросил сталкер Ермолаев.

— Да наверняка есть, — решительно сказал Седой. — Ведь само здание-то стоит до сих пор. А ведь там пловун, оно с самого начала держалось только за счет того, что в подвалах установили криогенные установки, почву замораживали. Значит что? Значит, они до сих пор работают? Иначе бы все рухнуло.

Но голос его прозвучал как-то неубедительно. Сергей, сощурившись, посмотрел на него так, словно хотел возразить. Но ничего не сказал.

— А может, на самом деле оно и рухнуло давно, — произнес Ермолаев.

— Нет, рассказывали люди — стоит пока.

— Да мало ли, что люди болтают. Им еще и не то может

со страху привидеться. Они хотят увидеть здание — вот им и кажется, что оно там есть. А на самом деле это все мираж, обман, наваждение.

— Да ну тебя, Ермолаев, помолчи лучше! — с досадой сказал Седой.

— Интересно, а мутанты в туннелях за Спортивной водятся? — спросил Рохля.

— Вроде пока не слышно было, — ответил Ермолаев.

— Ничего, если встретим, Катерина с ними договорится. Она им практически родственница, — хмыкнул Седой. Что-то он начинал ее все больше раздражать.

Сергей поглядел на нее внимательнее.

— Почему родственница? — спросил он. Голос был с хрипотцой, но приятный. Можно так и звать его — Ботаник, подумала она. Но почему-то не шло к нему это прозвище. А другого она придумать не могла.

— Ах, да, Серега, я ж забыл тебе сказать. Катя, проводница наша — не простая девушка, особенная. В темноте видит. Может, и еще какие способности выдающиеся есть у нее, о которых пока молчит, — насмешливо протянул Седой.

Она ждала, что сейчас и Сергей изменится в лице и тоже пренебрежительно скажет какую-нибудь колкость. Не дождалась. Подняла на него глаза. В его взгляде было только любопытство.

— А откуда ты? На какой станции родилась? — спросил он без тени насмешки, вполне дружелюбно.

Вот этого им знать не надо. Она пожала плечами.

— Кэт ниоткуда. Прикольно! — сказал Рохля. Но так бес-
печно сказал, что она не обиделась. — Кэт ниоткуда заведет
нас в никуда.

Седой ожег его мрачным взглядом, но не стал делать заме-
чания. Хотя видно было — веселья Рохли он вовсе не разде-
ляет. Она даже посочувствовала Седому — похоже, основ-
ные хлопоты легли на него, и он один из немногих, кто пред-
ставляет, насколько опасен путь. Ну, может, еще Ермолаев,
у которого такой серьезный вид. Все остальные о проблемах
думать не хотят — Рохля, видно, по жизни раздолбай и вос-
принимает поход скорее как приключение, Сергей тоже весь
в своих мыслях...

— Прости, если тебе неприятно об этом говорить, — ска-
зал он. Она уставилась на Сергея во все глаза. Крайне редко
кто-нибудь вообще давал себе труд поинтересоваться, что ей
нравится, а что нет. Очень редко. Практически никогда.

— Просто я думал, что на Филевской линии... — начал
было он и смутился. Это тоже было удивительно. Она не при-
выкла к такому.

— Живут мутанты, — невозмутимо продолжила она за
него, — и что я — одна из них. Я вовсе не обижаюсь. Но
я действительно не знаю, где я родилась. Моя мать умерла,
когда я была маленькой. Я росла у чужих людей на Динамо.

Она специально продумала легенду заранее, выбрала
оживленную станцию, где легче затеряться. В подземных

швейных цехах Динамо, снабжавших чуть ли не все метро кожаными куртками, трудилось множество женщин. Проверить ее слова было практически невозможно.

— Если бы ты сама не сказала, никогда бы не подумал, — сказал Сергей.

Верно. Она могла бы им и не говорить ничего. Но если бы не умение видеть в темноте, ее услуги ценились бы куда дешевле. Наниматели чаще все-таки предпочитали проводников-мужчин, и нужен был какой-то козырь, чтобы соперничать с ними.

— А другие...отличия у тебя есть? — спросил Сергей. Видно было, что он искал слово, чтобы не обидеть, и это ее чуть не растрогало. Но она не собиралась рассказывать ему об остальных своих приметах. Он мог где-то что-то слышать, и тогда она будет в смертельной опасности. А поговорить почему-то хотелось — как же давно она ни с кем не разговаривала просто так, без подначек, без опаски. Она даже не думала, что ей это нужно, — до нынешнего вечера.

«Осторожнее, — сказала она себе. — Расслабляться нельзя. Вокруг враги. Все люди — враги, и даже самые хорошие — не исключение».

Сергей ждал ответа, и она покачала головой.

— Тогда тебя и мутанткой считать почти нельзя, — заметил он. Она нахмурилась. Опять это «почти», сводящее на нет все его добрые намерения. Почти человек. Но все-таки не совсем...

Он заметил недовольное выражение ее лица.

— Ты просто не представляешь, какие бывают отклонения, чего я насмотрелся за эти годы, — сказал он. — Поверь, по сравнению с остальными ты практически нормальна.

— Все равно такие, как ты, сторонятся таких, как я, — упрямо сказала она.

Он пожал плечами:

— У жены моего знакомого было по шесть пальцев на руках.

— А почему «было»? — тут же насторожилась она.

— Потому что ее больше нет, — неохотно ответил он. — Она умерла молодой.

— Как она умерла?

— Я не хочу сейчас об этом. Это не так уж важно, — произнес Сергей, отводя глаза. «Тут какая-то тайна, — сообразила она, — но понятно, что больше он сейчас ничего не скажет».

— Просто это я к тому, — снова начал Сергей, — что мутанты мутантам рознь. Бывают такие, у которых уже мозг поражен — вот это действительно тяжело. Правда, такие обычно долго не живут.

— А может, у меня уже тоже мозг поражен? — как бы в шутку спросила она.

— У тебя с мозгами, по-моему, дело обстоит куда лучше, чем у многих других, с кем мне доводилось общаться, — сухо ответил он. — Время позднее, пора расходиться.

И только тут она обратила внимание, что остальные уже устроились на ночлег, а беседуют только они вдвоем.

Сергей растянулся на драном спальнике, отвернулся и через минуту, казалось, уже спал. Она тоже оборудовала себе спальное место, но заснуть не могла еще долго — растревожил разговор.

«Надо с ним осторожнее — он вовсе не дурак. А как хочется все рассказать ему. Но нельзя. И не в том дело, что мутантка — он, кажется, один из немногих, кому это параллельно. Но если узнает, что я натворила, кто я такая, — отвернется с ужасом и никогда больше не станет со мной говорить, даже не посмотрит в мою сторону».

* * *

Утром они перекусили в общественной столовой свининой с грибами. Столовая выглядела скромно — ободранные пластиковые стулья, колченогие хлипкие исцарапанные столы. Ей не очень хотелось есть, но она заставляла себя — неизвестно, когда доведется перекусить в следующий раз. Наблюдала за своими спутниками — Седой ел обстоятельно, не торопясь, Сергей жевал рассеянно, Рохля привередливо ковырялся в миске, сталкер Ермолаев глотал торопливо и жадно, как будто плотно поесть случалось ему не часто, Топтун словно обнюхивал каждый кусок. Потом все погрузились на дрезину, сделанную из вагона метро — она уже

видела такие на Ганзе, только эта была более обшарпанной. Раздался гудок, и дрезина тронулась в путь. Она напряглась, прислушиваясь, как всегда в незнакомом туннеле, но опасности пока не ощутила.

Довольно скоро добрались до Фрунзенской, где Седой поговорил с часовыми, после чего их беспрепятственно пропустили. Затем еще один перегон — и дрезина притормозила на Спортивной. Дальше им предстояло идти пешком.

Выстроились в походном порядке — она впереди, как проводник («Как самый малоценный член экспедиции, которого не жаль потерять», — усмехнулась она про себя), следом — Седой, за ним Сергей, Топтун и Рохля, а замыкать шествие должен был сталкер Ермолаев. На груди у него висел автомат, у Седого тоже. Она сама больше полагалась на свой нож, хотя у нее был не только «Калашников», но и пистолет. У Рохли и Сергея, как она заметила, тоже имелись ножи. Рохля, впрочем, легкомысленно размахивал найденной здесь же палкой, видимо, ручкой от метлы, как будто в случае чего именно ею собирался отбиваться от врагов. Она усмехнулась про себя.

Отошли совсем недалеко, и вдруг она уловила движение сбоку. Застыла, сделав знак остальным. Напряглась, прислушиваясь. Тихий шорох внизу. Посветила и облегченно вздохнула — гигантская многоножка извивалась на шпалах, тщетно стараясь перебраться через рельс.

— Фу, гадость! — буркнул за ее спиной Седой и оглядел-

ся, словно прикидывая, чем бы прибить мерзкую тварь.

— Крупный экземпляр, — проговорил Сергей, — но я таких уже видел, тут они не редкость.

— Ну, ты лентяйка, — сказал многоножке Рохля. И занес над ней палку.

Девушку передернуло. Никак она не могла привыкнуть, что люди убивают беспомощных созданий, не делающих им зла, просто забавы ради. Вот так же и с ней в свое время расправились... чуть не убили. С тех пор она особенно жалела всех бессловесных тварей. Куда больше, чем людей. В глазах зашипало, она закашлялась.

Рохля тем временем, опустив палку, неожиданно осторожно подтолкнул извивающееся существо. Многоножка, наконец, перевалилась через рельс и мигом просочилась в трещину в стене.

У девушки снова зашипало в глазах. «А он не такой уж идиот, как мне казалось, — подумала она. — По крайней мере, не злой».

Она знала, что за Спортивной туннели ведут к разрушенному метромосту. Но они свернули в боковое ответвление, постепенно уходящее вниз. По стенам стекала вода, под ногами струился ручеек.

— Глубоко прокопали, — негромко заметила она.

— Этот туннель под рекой проходит, — пояснил Сергей.

«Как странно», — подумала она. Она и не знала, что кроме верхних туннелей, существует еще этот. Так, значит, над

ними сейчас река, толща воды? Ей стало не по себе. Сколько же усилий потребовалось, сколько людей понадобилось привлечь, чтобы прокопать такой ход? Ей хотелось спросить, кто и с какой целью это сделал, но сейчас не время было болтать. Когда они вернутся, тогда и спросит.

Если, конечно, к тому времени будет, у кого спрашивать.

— Говорят, раньше метро хотели под рекой пустить, — словно отвечая на ее невысказанный вопрос, тихо произнес Сергей. — Но потом вдруг был отдан приказ строительство заморозить, а туннели метро провести через мост. А этот туннель все же успели прорыть, и он тоже ведет на ту сторону.

И тут Седой остановился. Ход упирался в запертые железные ворота.

Седой пошарил по стене сбоку, нашел кнопку звонка. Нажал.

Все замерли на месте. Как будто действительно ждали, что сейчас им откроют с той стороны.

Но все было тихо. Седой нажал еще раз. Потом еще. Потом поднял обломок кирпича и постучал в ворота — громко и требовательно. Раз, другой.

— Не надо, — вдруг раздался негромкий голос сзади. Принадлежал он, как ни странно, сталкеру Ермолаеву, который в течение всего пути почти ни слова не проронил. В голосе было отчаяние и какой-то детский страх.

— Ты что это, Ермолаев? — удивился Седой.

— Не надо, — умоляюще повторил военный. — Откуда ты знаешь, кто может нас ждать там? Я чувствую — людей там нет. Тогда зачем мы стучим? Нас могут услышать другие.

— Отставить разговорчики! — резко сказал Седой. — Как ты надоел со своими бредовыми предчувствиями, Ермолаев! Не надо было брать тебя с собой.

— Нельзя здесь стучать, — пробормотал Ермолаев чуть слышно. — Мы же не знаем, что может отозваться с той стороны.

— А ты ведь знал, что ворота закрыты, — напустился Топтун на Седого. — Что же ты нас сюда повел? Говорил, что у тебя есть план? Что теперь будешь делать?

— Я все продумал, — веско сказал Седой. И снял рюкзак: — Здесь у меня взрывчатка.

Какое-то время стояла мертвая тишина — все осмысливали сказанное. Первым не выдержал Топтун:

— Нет, ты точно рехнулся! Хочешь взорвать ворота, а заодно похоронить нас здесь? Нет уж, с меня хватит. Я с самого начала знал, что эта авантюра добром не кончится.

Взорвать ворота! Она похолодела. Если над ними река, то это чистое безумие. Взрыв обрушит тоннель, сверху в пролом хлынет мутная вода. Убежать нечего и думать — через несколько минут с ними будет покончено. Черт, ведь было же у нее предчувствие — а она не поверила. Зря...

— Я приказываю поворачивать обратно! — истерически завизжал Топтун. — Ермолаев, заberi у него рюкзак!

— Не надо, — неожиданно спокойно сказал Седой. — Я согласен — возвращаемся.

И у нее возникло ощущение, что лишь этот человек понимает, что происходит. И ловко управляет ими. Зачем-то ему был нужен этот спектакль. И он вовсе не выглядел обескураженным провалом экспедиции.

— Ты за это ответишь! — шипел на обратном пути Топтун. — Перед руководством будешь отчитываться, когда вернемся!

Седой невозмутимо молчал.

* * *

На Спортивной Сергей предложил перекусить, но Седой убедил их, что на Фрунзенской столовая лучше. Хорошо, что дрезина, которая привезла их сюда, еще не ушла обратно.

На Фрунзенской, после того, как они поели и немного отдохнули, Седой и выдал главный сюрприз. Когда Топтун предложил возвращаться на Парк Культуры, он невозмутимо ответил:

— Не в моих правилах начатое на полдороге бросать. Плохим бы я был командиром, если бы не имел плана про запас. Мы все равно пойдем в Изумрудный Город — но пойдем другим путем.

У Топтуна отвисла челюсть. Видно, что такого оборота он не ожидал.

— Каким путем? — спросил он.

— Выйдем сейчас на поверхность, — невозмутимо сказал Седой. — Дело как раз к ночи идет, уже можно. — Он начал чертить на бумажке. — Вот Дворец Молодежи, мы перейдем через Комсомольский проспект, и совсем недалеко будет застекленный мост через реку — я со сталкерами говорил, он почти целый. Перейдем через мост и пойдем вдоль реки, потом на смотровую поднимемся — а там до Университета рукой подать.

Честно говоря, она чего-то в этом роде от него и ожидала. Сразу поняла — этот тип очень непрост. Предчувствие ее не обмануло — он с самого начала не собирался ни перед кем отчитываться. Потому что он, похоже, вообще не собирался возвращаться.

Седой говорил так легко, словно предлагал развлекательную прогулку по парку. Возможно, в прежней жизни это и была бы развлекательная прогулка. Но она-то знала — там джунгли. Еще свежа была в памяти последняя экспедиция, когда им так и не удалось подняться к этой самой смотровой, хотя трое заплатили жизнью за эту попытку.

— Ты с ума сошел, — ответил Топтун.

— Я никого не заставляю, — холодно уточнил Седой. — Хочешь — возвращайся на Парк Культуры.

Она поняла — Седой как раз очень хочет, чтоб Топтун вернулся. Хочет отделаться от него. Топтун это тоже понимает, но у него, похоже, другая задача.

— Я никого не заставляю, — повторил Седой и обвел взглядом остальных. — Кто еще хочет вернуться?

Ермолаев смущенно кашлянул.

— Приказываю тебе вернуться на Парк Культуры и сообщить об изменениях в планах экспедиции, — торжественно произнес Седой, и тот кивнул с видимым облегчением.

— Какого черта?! — прошипел Топтун.

— Пусть идет. У него ребенок маленький. И, между прочим, начальник экспедиции — я, — напомнил Седой. — Кто еще возвращается?

Он вопросительно взглянул на Сергея, тот отрицательно помотал головой.

— Ладно, — сказал Седой, — тогда давайте собираться. Ермолаев, ты проводишь нас и только тогда пойдешь обратно.

Топтун был явно недоволен, но поделать ничего не мог. Тогда она и попыталась взбунтоваться — в ее планы вовсе не входило сопровождать их по поверхности. Но оказалось, что предложение вернуться распространялось на всех, кроме нее. Мутантку-проводницу никто не собирался спрашивать, что ей нравится, а что нет. Седой просто отвел ее в сторонку и приставил пистолет ей к затылку. Она, могла, конечно, попробовать убежать — с ним одним она бы справилась, но где гарантии, что ее не поймают? А если дознаются, кто она такая на самом деле, ей точно не поздоровится. Пришлось смириться.

«Ладно, — подумала она, — тем хуже для них». Она уже ощущала знакомое тревожное и радостное предчувствие — как всегда, перед выходом на поверхность.

«Я — Кошка. Большой город наверху опасен для людей — но я не совсем человек. Я — ловкая и быстрая, крадусь бесшумно, слышу опасность издалека. Я пыталась вас отговорить для вашей же пользы, глупые, неуклюжие люди. Вы не послушали меня — теперь пеняйте на себя!..»

Глава 2

Мы пойдем другим путем

По эскалатору поднимались недолго. В небольшом круглом вестибюле, где стояло несколько сломанных киосков, под ногами идущих захрустели осколки стекла.

Здесь чудом сохранились двери — может, поэтому хищников не обнаружилось. Перед выходом Кошка сделала спутникам знак подождать и долго прислушивалась. Вдвойне опасно выходить наверх в незнакомом месте — но выбора не было.

Она толкнула дверь и, выйдя наружу, сразу прижалась спиной к стене, вскинув автомат. Ее окружали массивные четырехугольные колонны — оказалось, вход в метро расположен в огромном здании. Следом из-за двери появился Седой, за ним — Сергей и Рохля. Последним, беспокойно озираясь, вылез Топтун.

Впереди виднелся полуразрушенный павильон, испещренный черно-белыми пятнами. Ей уже случалось видеть такие, но некогда было вспомнить, что означают эти пятна. Кажется, раньше наверху были столовые с такими смешными названиями. Седой показал направление — и отряд стал спускаться по ступенькам. Кошка оглянулась и высоко над головой увидела картину. Изображенные на ней люди то ли

охотились, то ли воевали. Фигуры людей были серыми, а иногда попадались красные пятна — цвет знамени Красной Линии, догадалась она, цвет крови. Красное на сером.

«Знаешь, что такое “красное на черном”?» — любил спрашивать ее Леха еще тогда, в прежней жизни. Леха был одним из тех, кто относился к ней терпимо. Конечно, он тоже мог и гадость сказать, и затрещину дать под настроение. Но иногда, особенно когда был немного пьян, ей перепадало от него что-нибудь вкусненькое — недоеденный кусок свиного шашлыка, горстка сушеных грибов. Он учил ее рисовать звезду одним росчерком уголька по стене, не отрывая руки, и задавал дурацкие вопросы: «А знаешь, что такое — “красное на черном”?»

Он вообще как будто заиклился на цветовых сочетаниях — очень любил придумывать странные пароли. Допустим, своим для входа на станцию полагалось говорить «Белый снег», а отзыв был «Серый лед». А на следующий день он уже изобретал что-то другое. Многие его терпеть не могли за это, но он стоял на своем. И однажды она слышала, как он отчитывал одного из сталкеров:

- Нет, ты мне правильно скажи пароль — тогда пушу.
- Леха, да ты что, спятил? Это ж я — Чирей.
- Знаю, что Чирей, а пароль назови.
- Ну, это... Вроде синее на зеленом?
- Нет, блин, золотое на голубом! Ну что за придурки?

Простых вещей запомнить не могут!

Может, ему надо было стать художником, а из него получился бандит. Вполне вероятно, что художником был его отец, но Леха отца не помнил. Это сближало ее с ним. Впрочем, Леха, казалось, не сильно огорчился. Иногда, под настроение, он сообщал собутыльникам, что его папа — стакан портвейна. А мама, соответственно, — анархия. Те гоготали и говорили, что в таком случае ему прямая дорога на Войковскую, давно уже переименованную анархистами в Гуляй—Поле. Но Леха был не из тех, кого можно было куда-то отправить против желания.

Иногда Кошка даже пугалась его. Обычно Леха корчил из себя простецкого парня, что называется, душа нараспашку. Из одежды предпочитал черные спортивные штаны и черные же толстовки — видимо, чтоб грязь была не так заметна. Волосы в отличие от большинства он не остригал коротко, и они обычно неопрятными светлыми патлами свисали ему на плечи. Он уже начинал полнеть, при том что питались они все не сказать, чтоб хорошо. Уверял, что это у него так процессы в организме идут — капельку съест, и тут же лишний вес прибавляется. Лицо его нередко бывало опухшим от регулярного пьянства, глаза — как щелки, да к тому же он постоянно шурился. А еще была у него противная манера — вдруг замолкать посреди разговора и пристально, молча разглядывать собеседника до тех пор, пока тот не начинал нервничать. О чем Леха думал в это время — одному ему

было известно. Но чужой страх явно доставлял ему удовольствие. Он любил ошиваться возле постовых, оглядывая всех входящих на станцию. Его иной раз так и называли — Леха Фейсконтроль. Иногда он, сощутив глаза, командовал часовому: «Вон у того, чернявого, документики как следует проверь». И ухмылялся, глядя, как начинает бледнеть один из челноков, как у него подкашиваются коленки.

А насчет того вопроса... Кошке очень хотелось сделать Лехе приятное, ответить правильно, но она не понимала, чего он хочет. Вот красное на белом — это кровь на снегу, она знает, видела. Или кровь на марлевой повязке — впрочем, хорошую марлю трудно было найти, для перевязок чаще использовали стиранные-перестиранные пожелтевшие тряпки. А что такое красное на черном, она с трудом представляла и потому молчала.

Правда ему, казалось, ее растерянность даже нравилась. «Ничего-то ты не знаешь, — важно и снисходительно подытоживал Леха. — Ну что с тебя взять — мутантка!»

Прислушиваясь к звукам ночного города, Кошка подумала, что теперь она могла бы кое-что ответить ему. Может быть, красное на черном — это звезды Кремля, пылающие на ночном небе? Кошка видела их однажды — и, как ни странно, осталась жива. Конечно, перед выходом ее строго-настрого проинструктировали — не глядеть на кремлевские звезды. Но искушение было слишком сильным. Она по-

думала: «Можно ведь только разочек взглянуть. Я сумею. Я удержусь». Звезды словно переливались изнутри — кровавые отсветы на черном небе. И сразу — провал в памяти. Потом двое здоровых мужиков рассказывали, что им с трудом удалось удержать ее, а она отбивалась с неженской силой, вырывалась. Все же им удалось ее остановить — может, зря? Ну, отправилась бы она напрямиком в Кремль, и съела бы ее засевшая там... — а хрен его знает, что там засело! — все равно она никому на целом свете не нужна. И вот странно — с ней ничего не случилось до сих пор, а никого из тех, кто был с ней во время той вылазки, уже не осталось в живых — у сталкеров век короткий... Воспоминания прервал клекот, раздавшийся сверху, с крыши здания. Но ведь они еще не вышли из-под крыши, вряд ли хищник мог их видеть. Наверху послышалась возня, с крыши что-то упало и ударилось о землю в двух шагах от нее с глухим костяным стуком. Похоже, череп небольшого животного — а может, даже человеческий. Остальные члены группы стояли, прижавшись к ближайшей колонне. Лишь Сергей вдруг потянулся за упавшим предметом, но тут же передумал. Ему не так часто случалось выходить на поверхность, и чувствовал он себя неуверенно — постоянно боялся совершить ошибку. Подумать только, как все изменилось за двадцать лет! Он помнил — за Дворцом Молодежи, под крышей которого они сейчас находились, до Катастрофы располагался ухоженный парк, часть старинной усадьбы. Там были красиво подстри-

женные кусты и газоны, декоративные растения, причудливо выющиеся дорожки, белки в клетке для детской забавы, а также еще какие-то птицы — фазаны, гуси. Был в парке и пруд с лебедями. Один из сталкеров рассказывал Сергею, в какие непроходимые джунгли превратился парк теперь, и какие ловушки подстерегают там зазевавшихся путников. Показывал и жуткий шрам, оставленный, по его словам, особо агрессивной и крупной белкой. Во что превратились лебеди и фазаны, Сергей даже спрашивать не стал. Не исключено, что именно один из них возился сейчас над ними на крыше, роняя им на головы остатки своего вчерашнего обеда. А еще, кажется, в усадьбе держали лошадей. Думать об этом не хотелось. Сергей постарался сосредоточиться на том, что находилось сейчас в поле его зрения.

Впереди, там, где кончалась крыша, видно было черное небо, усыпанное кое-где звездами. И — вот оно — огромная крылатая тень пронеслась вдруг, заслоняя звезды. Пролетела мимо — туда, где торчали скелеты огромных деревьев. Наверное, увидела там добычу. Людей она не заметила — а может, не обратила внимания на такую мелочь.

Спустя минуту с той стороны донесся треск, визг, шум, затем наступила зловещая тишина. Та же крылатая тень пролетела обратно — уже куда медленнее, размеренно взмахивая перепончатыми крыльями. В когтях у хищницы болталась темная масса — охота явно оказалась удачной. Кошка вспомнила рассказ одного из сталкеров, похвалявшегося,

что кто-то из его знакомых летал на вичухе. «Вранье!» — убежденно подумала она тогда.

Парень, стоявший рядом с Сергеем, вдруг попятился обратно к входу. Как будто передумал и хочет вернуться. Никто, кроме Сергея, этого не заметил, он ободряюще положил руку мальчику на плечо. «Первый раз, наверное, на поверхности», — снисходительно подумал он, не сознавая себе, что, опекая новичка, старается отогнать собственные страхи.

Теперь можно было двигаться дальше — в ближайшее время ночному летуну будет не до них. Очень кстати, а то, стоя на одном месте, она уже начала замерзать, хотя все они по возможности утеплились перед выходом — под химзу одели теплые свитера и простеганные утепленные штаны. Это, конечно, несколько ограничивало свободу движений, но иначе было нельзя — наверху начиналась самая студеная пора. Кошка еще раз оглянулась на большое уродливое здание, в котором находился вход в метро. Эти жуткие каменные коробки, как можно было в них жить? Говорят, люди в этих каменных ячейках создавали себе уют, по трубам текла горячая вода... Но какой может быть уют в таких унылых сооружениях? Сидишь там, как в клетке. Лучше уж греться у костра и не запирайтесь в тесные норы, чтоб в любой момент можно было уйти куда вздумается...

Они пересекли широкий проспект, огибая заржавевшие остовы машин. Под ногами похрустывал ледок, хлопала вода. «Конечно, приятнее ходить на поверхность летом, — по-

думала Кошка, — хотя и приходится париться в “химзе”. Но зато зимой листва облетает с деревьев и обзор лучше...»

Перейдя проспект, они уперлись прямо в здание с надписью «...ом...инской...ниги». Седой показывал, что надо повернуть налево, но Сергей заинтересовался разбросанными внутри книгами и шагнул внутрь прямо через разбитую витрину. Кошка вошла следом, прислушалась — вроде, опасности нет. Но задерживаться здесь, конечно, не стоило. На полу была лужа, и валявшиеся в ней книги были безнадежно испорчены, но Сергей прихватил пару томиков из тех, что оставались еще на полках. Седой снаружи махал руками, торопил.

Они выбрались обратно и пошли по проспекту. Вдоль тротуара через равные промежутки росли деревья, на голых ветвях которых до сих пор виднелись кисти красных ягод. Это выглядело очень красиво, и Кошка с сожалением подумала, что если бы не спешка, непременно набрала бы их. Говорят, есть живые ягоды рябины очень полезно — чтоб зубы были крепче, и вообще. Правда, обычно ягоды горчат, но после первых морозов горечь пропадает. А еще из рябины получалась неплохая приправа к свинине, если потушить вместе. С другой стороны, если учесть, что на поверхности все радиоактивное, то не известно еще, чего больше от такой еды будет — вреда или пользы. И все равно ей не нравилось, что здесь так много деревьев — очень уж подходящее место для всякой живности. Конечно, ближе к зиме некоторые звери

впадают в спячку, как сказал Сергей, зато есть и такие, у которых пик активности приходится как раз на зиму. Опять же те, кто в холода залегает спать, обычно облюбовывают подвалы и нижние этажи домов — и поди угадай, где именно ждет сюрприз.

Вот следующий магазин — как раз подходящее место для логова зверя. Витрина разбита, валяются человеческие фигуры — она уже видела такие, это куклы, которых зачем-то обряжали в одежду и ставили за стекло. Для красоты, наверное. Здесь они маленькие — изображают детей. А еще разбросаны подушки, грязные и намокшие, и стоит хорошенький красный автомобиль. Он выглядит совсем как настоящий и до сих пор почти новый, только в несколько раз меньше тех, которые в изобилии ржавеют сейчас на улице, иногда с останками пассажиров внутри. Неужели раньше и такие игрушки были у детей? Впрочем, ей-то какая разница? Своего малыша у мутантки никогда не будет, проверено, а до чужих ей и дела нет. Дети бывают злые, дразнят. Впрочем, иногда попадаются добрые, жалостливые детишки — но таким обычно в жизни хуже всех приходится...

По знаку Седого они свернули с проспекта направо, на спускавшуюся вниз улицу. На здании напротив Кошка успела машинально отметить крупные буквы «ЗОНТ», и чуть ниже, помельче — «театр». Вокруг мощные деревья образовали настоящий бурелом, а еще дальше с двух сторон путь обступали массивные дома. И вдруг в этой чаще обнаружи-

лось отлично сохранившееся небольшое сооружение, напоминавшее сказочную избушку из книжки — казалось, вот-вот дым пойдет из трубы. На нем тоже были надписи: «...ойка...ярий». Слева и справа — участки земли, огороженные металлической сеткой. Загоны? Непонятно. Впереди — металлические ворота. Затейливые, полукруглые, трехстворчатые. А забора нет, да кажется, никогда и не было. Может, построить не успели — и теперь стоят одни ворота неизвестно для чего.

Пройдя через ворота и сделав еще несколько шагов, они увидели стеклянное сооружение с выбитыми дверями. Осторожно зашли — и вот он, мост. Два эскалатора — совсем как в метро, только ведут не вниз, а вверх. А по бокам — лестницы.

Они начали осторожно подниматься по ступенькам. Здесь все оказалось из стекла и железа, металлические части когда-то были выкрашены желтым, цвет даже местами сохранился. «Наверное, летом, в солнечную погоду, здесь было очень хорошо, — почему-то подумала Кошка. — Люди гуляли, любовались рекой, деревьями...»

Сейчас деревья по берегам реки стояли жуткие, черные, голые. Верхняя часть стеклянного покрытия моста более-менее уцелела, а вот по бокам почти все стекла были выбиты. Подойти чуть ближе к краю — и вот она, река, внизу. Темная, холодная вода несет неизвестно куда ветки и всякий хлам.

Лучи фонариков, скрещиваясь, заматались по металлическому каркасу, по стеклянной крыше. На полу обнаружилось чье-то мумифицированное тело — видно, долго уже тут лежало. Кошка огляделась — похоже, ее спутники совсем ослабились, а зря. Сергей разглядывал мусор на полу, Рохля, как замороженный, уставился в противоположную сторону, где за лесом виднелось неясное зарево. Пожар? Вполне возможно. В пустом городе они иногда возникают словно сами по себе. А может, виной всему костры, которые особенно в зимнее время жгут обитающие до сих пор кое-где на поверхности несчастные выродки, еще не забывшие, что такое огонь и пища, но прочно забывшие почти все остальное. Она вспомнила колонию слабоумных детей, живших летом в подвале неподалеку от Киевской — ближе к зиме никого из них не осталось — кто погиб, кто ушел... «Интересно, что же это там горит?» Опять вспомнился Леха с его любимой песней о том, что где-то вдали виден пожар, а в лесу скрывается зверь, которого надо убить. Кто-то из сталкеров сочинил, наверное. А ведь в той стороне и должен находиться Изумрудный Город...

Кошка огляделась — с противоположной стороны у края моста стояли Седой и Топтун, о чем-то оживленно спорили. Две темные фигуры размахивали руками. Вот одна протянула руку, указывая вдаль, маска с хоботом повернулась в том же направлении. «Зачем они стоят так близко к краю?» — подумала она, но тут Рохля ее отвлек. И уже боковым

зрением, невероятно обострившимся в напряженные моменты, Кошка успела заметить резкое движение одного из двоих. Почти тут же послышался громкий плеск вниз. Еще не успев опять повернуться к ним, она уже обо всем догадалась. Там, где двое стояли у края моста, теперь остался только один. Кошка замахала руками, подбежали Сергей и Рохля. Седой стоял, держась за какую-то железяку, и смотрел вниз, туда, где черная масса воды все так же неторопливо текла мимо.

Здесь лишь металлическая решетка отделяла людей от реки. И решетка эта в нескольких местах была сломана. Тому, кто упал в ледяную воду, спасения не было, это ясно. Да и ей ли жалеть, что одним участником экспедиции стало меньше? Она ведь их предупреждала, что не на увеселительную прогулку идут.

И все же Кошка на всякий случай сняла рюкзак и принялась в нем шарить. Там был кусок хорошей, крепкой веревки. Но короткий, чересчур короткий. Рохля тем временем светил фонариком вниз.

И вдруг из воды что-то показалось на минуту — вроде бы голова и рука. А они могли только смотреть. Прыгать, спасать — бесполезно. Тогда вместо одного погибнут двое — вот и все. Сейчас или намокший костюм утянет беднягу на дно, или он захлебнется.

Но тонувший ухитрился содрать противогаз — и сдавленный крик донесся до стоявших наверху. В ту же секун-

ду вокруг человека в воде образовалась небольшая воронка — или водоворот. А потом будто круглые створки над ним сомкнулись, захлопнулись. Секунду в луче света был виден огромный, черный ничего не выражавший глаз, а потом Рохля выронил фонарик, и тот почти беззвучно исчез в воде. Раздался сильный всплеск — и только волны пошли по реке, да такие, что вода едва не вышла из берегов. Проглотившее добычу чудовище вновь ушло на глубину.

Кошка вздрогнула. Ей приходилось уже бывать возле реки. Один раз она даже смутно видела поднимающееся к поверхности из глубины огромное тело. Один из сталкеров сказал потом, что монстр был величиной с баржу. Она не совсем поняла, что он имел в виду, но если пасть у чудовища была такова, что могла втянуть взрослого человека целиком, словно таракана, то о размерах самого животного можно было догадаться. Кошка невольно попятилась от края моста, и остальные за ней.

* * *

Некоторое время они стояли подавленные. «А ведь я предупреждала — думала она. Погодите, то ли еще будет. Вы должны были знать, на что идете. До цели, возможно, не дойдет ни один».

Наконец Седой как будто пришел в себя и дал знак двигаться дальше. Они побрели по мосту, время от времени

оглядываясь.

Ближе к противоположному берегу стеклянный потолок был обрушен, и часть моста обвалилась. Пришлось пробираться по уцелевшим металлическим опорам. Чудо-юдо караулило внизу, в черной воде — там иногда что-то мощно всплескивало. Один раз Рохля чуть не сорвался, но Кошка успела схватить его за руку, и Седой тут же подоспел на помощь, так что больше речному жителю ничего не обломилось. Впрочем, он и так получил от них неплохую плату за проход мимо его владений, за беспокойство, так сказать...

Когда начали спускаться с моста, выяснилось, что один из боковых пролетов наружной металлической лестницы обвалился. А если прыгать с такой высоты, можно запросто руки-ноги поломать. Кошка мысленно подсадовала на неподготовленных спутников.

Пришлось вернуться на мост. Можно было, конечно, пройти по нему дальше, туда, где вдали маячили заросли деревьев, но внутренний голос подсказывал — не стоит. Кто знает, какие звери сейчас охотятся в том лесу? Кошка видела, что и Седой, вроде, сомневается. Постояв немного, они, не сговариваясь, отправились обратно по лестнице. На последней уцелевшей площадке Кошка достала веревку и покрепче привязала к металлическому штырю. После того, как ее неуклюжие спутники спустились вниз, смотала веревку, убрала в рюкзак и осторожно примерилась, чтобы прыгнуть. Можно было бы тоже по веревке, но тогда ее пришлось бы

здесь и оставить, а вещь полезная, может еще пригодиться.

Сгруппировавшись, Кошка прыгнула, готовая к удару о землю, но тот получился неожиданно мягким — кто-то подстраховал. Они оба рухнули, покатались, и лишь поднявшись, она поняла, что это был Сергей. Ее падение он смягчил, но и сам на ногах не устоял. «Подумаешь, какие нежности! Охота была подставляться — и так не развалилась бы». Но против воли что-то предательски защекотало в носу, щипало в глазах. «Еще не хватало! — сердито подумала она. — Не время и не место нюни разводить — экспедиция в опасности».

Что же дальше? С моста проводница успела заметить знакомое высокое здание с металлической крышей. На самом деле это даже не крыша была, просто верхние этажи у него были словно блестящими желтыми металлическими прутьями заплетены. Приметное здание находилось справа от моста.

А когда она шла к смотровой с другой стороны, от Киевской, это самое здание маячило гораздо левее разрушенного подъемника. В общем, получалось, что сейчас им нужно вправо повернуть и идти вдоль реки, держа курс на приметную постройку.

Но, к ее удивлению, Седой указал в противоположную сторону. Туда, где дальше по реке был Остров и памятник Царю-Мореходу, где блестили вдали полуразрушенные купола Главного Храма. Сначала Кошка решила, что у него в

голове помутилось — и немудрено. Показала на приметное здание, попыталась объяснить, где они, по ее расчетам, находятся. Потом вспомнила, что Седой этого ориентира, скорее всего, не видит своим человеческим, слабым зрением. Но трудно было поверить, что он в знакомых местах заблудился. Он, рожденный наверху, должен был по-любому лучше нее город знать. Не до такой же степени все изменилось, чтоб он забыл даже, где право, где лево. В общем, или он от всего пережитого запамятовал, где этот его Изумрудный Город находится, или вообще туда не собирался — и Кошке почему-то показалось, что так и есть. А ей-то что, она вообще может бросить их тут и скрыться — пусть выкручиваются сами. Но пока ей отдали только задаток. Она не хотела себе сознаться, что ее удерживает кое-что и помимо платы.

Ладно, в другую сторону — так в другую. Что там у нас? С моста она видела, что справа от реки, за полосой деревьев, есть еще какое-то болото. Не очень это хорошо — когда вокруг вода. Воду Кошка вообще не любила. В общем, лучше было пройти поскорее. И деревья здесь были уж больно высокие. Впереди же виднелся еще один мост — без стеклянного покрытия, и вроде он неплохо сохранился. Между опорами словно бы металлические цепи висят — по крайней мере, так издали кажется. Хотя Кошка знала, что на самом деле никакие это не цепи, а массивные металлические балки. Но рожденные наверху, видно, умели с выдумкой строить — так, чтоб вещи казались не такими, какие они на самом деле.

А вон в воде у самого берега и заржавевший корабль — вода мотает его туда-сюда, как игрушку. «Интересно, что там чернеет на одной из опор моста? — подумала она. Надо будет поглядывать в ту сторону».

Они брели вдоль реки между толстенными деревьями. Под ногами похлупывало, но ботинки у нее были хорошие, да и жиром она их смазывала, чтоб не промокали. И все равно холод уже пробирался внутрь, пальцы ног озябли. Один раз Кошка оглянулась и в двух шагах от себя вдруг увидела блестящие глаза твари, распластавшейся на стволе и следившей за ними. Если бы не глаза, она бы приняла животное за коврик моха или наросты плесени — так неподвижно было прижавшееся к дереву плоское тело. Она уже видела таких — эти звери не нападали на противников сильнее себя.

В реке снова что-то мощно плюхнуло, и Кошка от греха подальше увела спутников в заросли кустарников. Кое-где между ними возвышались мощные стволы. Идти здесь было неудобно, ноги увязали в мягкой грязи. Она сообразила, что это, скорее всего, дно обмелевшего пруда. Попадались гнилые доски, разбитые бутылки и прочий хлам. Рохла шагнул в сторону и вдруг увяз в грязи чуть ли не по пояс. Вот тут веревка и пригодилась — Котика кинула ему один конец, чтоб он обвязался, и принялась тянуть за другой, а остальные мужчины помогали. Потом она наломала веток с ближайших кустов, набросала их под ноги. Пришлось снова выбираться на твердую землю. Кошка старалась не на-

ступить на что-нибудь острое и с тоской думала, что ее ботинки могут не пережить этого похода. Так увлеклась, что чуть не забыла об осторожности. И лишь каким-то звериным чутьем уловила — под вывороченными корнями дерева-гиганта кто-то притаился. Кошка сделала спутникам знак подождать, пригляделась. Да, там кто-то был — кажется, довольно крупное животное, покрытое свалявшейся шерстью. Вдруг существо шевельнулось — и Кошка увидела исхудалую руку, сжимавшую камень. Это был один из тех несчастных выроdkов, которые до сих пор иногда попадались наверху. Кое-как им удалось приспособиться к новым условиям, но сил у них хватало лишь на то, чтобы поддерживать жалкое существование. Замотанные в драное тряпье, а иной раз и в звериные шкуры, они страдали от голода и холода, но главное — подвергались губительному воздействию радиации. Совершенно непонятно, почему они продолжали цепляться за жизнь. Если бы выродок попытался напасть, Кошка без сожаления убила бы его. Но он только следил за ними, явно напуганный, и в душе ее шевельнулось что-то похожее на сострадание. Ей ли не знать, каково это — когда тебя травят? Пусть живет. Все равно долго не протянет — голод, холод или хищные звери его доконают. И она сделала своим спутникам знак идти дальше. Они даже не поняли, чем была вызвана остановка.

Еще немного — и вышли ко второму мосту. Прямо за ним на берегу реки виднелось приземистое квадратное здание,

почти не разрушенное. И даже некоторые буквы уцелели от громадной надписи на самом верху. Интересно, что там было написано? Теперь осталось только «...ос...страх». Излишнее напоминание, страх и так сопровождал их постоянно. А за тем зданием опять простирались джунгли.

* * *

Седой указал на широкую улицу, служившую продолжением второго моста и уходящую вверх, на вершину холма. Он хотел, чтобы они шли по ней. Но тут сзади затрещали сучья — судя по всему, какое-то крупное животное направлялось прямо к ним. И они кинулись бежать через дорогу, лавируя между проржавевшими автомобилями. Впереди была решетка, ее охраняли две группы фигур со вздетыми вверх руками. «Это просто истуканы, — подумала Кошка, — изображения себе подобных, которые люди раньше везде любил ставить». Слева раздался хриплый торжествующий крик. Так она и думала — темное пятно на опоре моста оказалось крупной вичухой, которая, углядев добычу, встрепенулась, захлопала крыльями и сорвалась с насиженного места. Ей ответили эхом далекие вопли со стороны главного храма. И скоро уже три фурии с криками кружились в ночном небе, высматривая забредших в их владения людей.

Путешественники помчались еще быстрее, стараясь оказаться под защитой деревьев, и опомнились только в середи-

не небольшого парка. Здесь еще сохранились следы пребывания человека — сломанные качели, не совсем заросшие дорожки. И снова истуканы — сколько же их здесь? «Кладбище, — решила Кошка. Как-то она с одним сталкером шла мимо кладбища, и тот показывал ей каменные фигуры. — Если так, нужно побыстрее убираться отсюда». Хотя она боялась кладбищ куда меньше суеверных сталкеров. Она-то знала — там живут те же самые звери, что и в городе. Мертвые же мирно лежали под землей, и с чего бы ей было бояться незнакомых покойников? А те, кого она сама отправила на тот свет, сумеют, если захотят, найти ее везде, и не кладбищ ей нужно бояться, а темных туннелей. «Да это и не кладбище вовсе, — присмотревшись, решила она. — Тогда здесь были бы каменные плиты и кресты, а тут одни истуканы, и не так уж плотно они стоят. И качели висят — словно на детской площадке. И сиденья не маленькие, а целые лавочки на цепочках — можно даже вдвоем усесться. Жалко, что сгнили совсем...» Кошка вспомнила, как однажды позволила себе пару раз скатиться с одной из чудом уцелевших пластмассовых горок — ей это занятие очень понравилось. Рожденные наверху умели развлекать своих детенышей. Но сейчас не время было отвлекаться.

Кошка с удивлением увидела, как Седой остановился перед одним из огромных истуканов, помещенным на высокую круглую тумбу. Каменная статуя была облачена в длинное пальто. Открытое мужественное лицо — и все же чем-

то оно ей не понравилось. Бородака клинышком и усы. Седой некоторое время стоял перед истуканом навывтяжку, словно встретил старого знакомого, а она оглядывалась — надо же кому-то помнить об осторожности. Поблизости обнаружился еще один идол — тоже в длинном пальто, в руке шляпа, лицо широкое и какое-то словно бы безвольное, нос толстый, усы висячие. А поодаль — еще, и хотя одежда у него была другая — куртка и широкие штаны, заправленные в сапоги, — он был явно из той же компании. Бородака и усики почти как у первого, а волосы каменным чубом торчат вверх. Интересно, откуда их здесь столько? И лица у всех такие благодные — как перед большой бедой. А еще чуть подальше — низенький, но самый страшный, хотя почему она так решила, — не смогла бы объяснить. У него какое-то кошачье выражение лица, ласковый прищур, словно он видит всех насквозь — и смотрит он со своего постамента свысока на маленьких каменных идолов, которые скорчились у его ног в разных позах. У кого рот распят в немом крике, кто весь перекрутился, кто сжался в комочек, кто искоса глядит отчаянными глазами. Эх их пробрало-то! Наверное, в этой сценке был какой-то смысл, который от нее ускользал. Дальше в большом количестве виднелись одинаковые изображения — лысоватый, с прищуром, с небольшой бородкой изображен был в разных позах.

Но в том, что это точно не кладбище, Кошка уверилась окончательно. Рядом натыканы были тощие как скелеты фи-

гуры, сделанные, видно, из металлических палок и почти насквозь проржавевшие. Она толкнула одну смеха ради — та рассыпалась. За ними надпись «...плот мира». Решив при случае спросить у Седого, что это значит, Кошка подняла голову, и она вдруг совсем близко увидела в просвете между деревьев покосившийся памятник Царю-Мореходу. Значит, и Остров тут, рядом. Она никогда раньше не видела памятник так близко. Вспомнив рассказы бывалых людей, первым делом присмотрелась — на месте ли сам царь, и с облегчением перевела дух — огромная темная фигура, державшая в руке что-то желтое и блестящее, находилась пока там, где ей и было положено. А корабль-то у Царя-Морехода какой чудной! Старинный, видно, — таких Кошка на реке не видела, разве что в книжках с картинками. Огромный человек стоит на маленьком кораблике. Настоящий мигом перевернулся бы — даже ей это ясно, хоть она в кораблях ничего не смыслит...

От памятника мысли перескочили к Острову. Ох, нехорошее это место! Назывался он раньше Болотным. Сталкеры рассказывали — незадолго до Катастрофы было тут место для гулянья — люди по вечерам собирались, музыка играла. И поставили там памятник Царю-Мореходу, хотя говорили многие, что не место ему там. А во время Катастрофы, говорят, на остров упала бомба, и такая получилась воронка, что главная река и канал соединились снова прямо напротив Кремля, и сделался на этом месте огромный пруд — а до того

Остров гораздо больше был. Еще говорили, что как раз под тем домом, в который бомба угодила, был вход в Метро-2, так вода его затопила — и тех, кто пытался там укрыться, тоже. С тех пор Остров и приобрел дурную славу. Сталкеры с Красной Линии говорили, что до сих пор там иногда в лунные ночи можно услышать музыку, увидеть разноцветные огни и скользящие по руинам тени. Они машут руками, приглашают к себе. Кто собирается до сих пор там, на развалинах? Говорят, несколько сталкеров пытались пробраться туда, но ни один из них не вернулся, чтобы рассказать, что видел. Потому и пользуется Остров дурной славой, но в то же время чем-то и притягивает людей. Слышала Кошка странные вещи — словно бы сталкеры, особенно с близлежащих станций, иной раз уходят туда умирать. Мол, как только чувствует сталкер, что силы уже не те, так и говорит близким, если есть они, конечно, — иду на Остров. И те, ясное дело, плачут, но отговаривать его не пытаются, потому как знают — чаще всего бесполезное это занятие. И дают ему тогда самый что ни на есть плохонький респиратор и химзу, какую не жалко, и автомат поплоше — ведь понятно, что этот путь — в один конец. И уходит он, и первое время его еще ждут вопреки всему, а потом и ждать перестают. Хотя кто знает — может, как раз там, на Острове, ликуют бывшие сталкеры и веселятся, отрешившись после смерти от подземных забот, вырвавшись на волю. Зажигают огни, приманивая других.

И еще кое-что слышала Кошка. Рассказывали, что в ста-

рину здесь тоже был прорыт подземный ход под рекой. Но сделали это тайно, по приказу какого-то царя, и видно, секрет этот царь так и унес с собой в могилу. Много раз потом, говорят, пытались люди отыскать этот ход, но безуспешно. А что, если те, на острове, не к ночи будь помянуты, отыщут его первыми и к людям в гости наведаются, в метро? Об этой жуте даже думать не хотелось.

В общем, для живых Остров — нехорошее место. Уходить, бежать надо отсюда, пока тоже не затянуло. Тем более от острова мост идет прямо к Главному храму, на крыше которого свили гнездо вичухи.

Да и про мост рассказывают какую-то жуть. Словно появляется там иногда тонкая девичья фигурка в пышном изодранном белом когда-то платье — Белая Невеста. Туда ведь новобрачные приходили, чтоб замочки на перила вешать — в знак долгой и крепкой любви. А тут не получилось долгой — парень, говорят, успел до метро добежать, когда Катастрофа приключилась, а девчонка его снаружи осталась. Вот она и ходит, плачет, ищет свой замочек — как будто тогда сможет успокоиться. Всех, кого ни увидит, жалобно так на помощь зовет. Издали кажется — как есть девушка заблудилась, вот иной и идет на помощь сдуру. А поближе подойдет — начинает понимать, что неладно дело. У нее лицо бледное, губы серые — жуть! Кое-где даже кости торчат из-под кожи, если присмотреться. Волосы светлые, длинные, спутаны, нарядное когда-то платье — в бурых пятнах. В руке пук

белых цветов засохших. И нельзя с ней заговаривать ни за что — кто поверит ей, захочет к людям отвести, того она в реку, говорят, сталкивает. И в последний момент показывается в настоящем своем обличье — голый череп облеплен поседевшими волосами, а в костлявых руках не букет — коса. Лезвие такое широкое железное на деревянной ручке, каким траву раньше срезали. Из него и оружие неплохое получается — им ведь не только траву можно срубить. И вроде уже не один сталкер на том мосту смерть свою нашел. И еще говорят, до тех пор будет Невеста там появляться, пока жених ее не придет к ней, не сдержит клятву быть с ней всю жизнь в горе и в радости. Да только где ж его теперь найти, да и вряд ли он на такое решится. А может, он и сам уже сгинул давно где-нибудь в туннелях. Так что по всему выходит, что бродить ей теперь по руинам вечно. Если, конечно, кто замочек ее — красный такой, в виде сердца — не найдет и в реку на глазах Невесты не кинет. Тогда, дескать, и покойница вслед за ним бросится, и кончится наваждение.

А еще говорили, что иногда видели рядом с покойницей огромную черную собаку. Кошка поежилась. Из тех, кто Невесту видел, наверное, в живых уже никого не осталось. Потому

что даже те, кому удавалось после встречи с нею в метро вернуться, все равно потом вскоре погибали или исчезали. Говорят, если уж кто на глаза ей попался, того она потом везде найдет и не успокоится, пока не сведет в могилу...

Сбоку раздался шорох, и Кошка метнулась в сторону. Побежала куда-то сломя голову. Потом остановилась, пытаясь разобраться, где она оказалась. Ей стало стыдно. Скажут, не надо было бабу брать в проводники — трусиха. Она огляделась. Вон Седой стоит, какой-то кол в руках держит. Хотела привлечь его внимание и вдруг поняла — не Седой это, а какой-то старик в шапке-ушанке — стоит в железном корыте, в каких по реке плавают, а вокруг небольшой пруд. Кошка сразу не заметила, что и сама уже наступила в ледяную воду, и теперь вода эта просочилась в ботинки, обжигая холодом. В корыте у старика сидят ушастые мутанты — видно, он их выловил из воды. Еще один ушастый стоит на задних лапах сбоку на камне — лапы тянет к старику, видно, чтоб не забыли и его взять. А вон только уши торчат из-под воды — один прямо на дне распластался, неужели утонул, бедняга?

У нее защемило сердце и зашипало в глазах — как не вовремя. Несчастный маленький мутант в ледяной, черной воде... «Стоп! Ведь это все истуканы железные, неживые — напомнила себе проводница. — Да, но если памятник поставили, значит, это и вправду было?» С трудом оторвавшись от памятника утонувшему мутанту, она кинулась дальше, в заросли — там что-то белело. Непрошенный страх сжал сердце — почудилась девушка в белом платье. Кошка снова шарахнулась, ей померещилось, что холодная костлявая рука вот-вот схватит ее за плечо. С треском вломилась в кусты, спугнув несколько мелких животных. Но нет, никто не гнал-

ся за ней. Она осторожно присмотрелась — девушка была, но каменная. Сидела возле лужи с водой, мечтательно подняв глаза к темному небу. «Дура, — укорила себя Кошка, — ведь говорили же мужики, что Невеста женщин вроде бы не трогает. И чего было так бояться?» Но от пережитого ужаса ее до сих пор трясло. Да и кто может знать точно, как Невеста к женщинам относится, если женщин-сталкеров в метро наверняка по пальцам одной руки пересчитать можно. «Особенно, если на руке шесть пальцев», — невесело усмехнулась она.

Недалеко от девы обнаружился какой-то мужик, тоже каменный. Кошка подивилась, как точно его изобразил неведомый мастер. Она и лицо узнала — видела в потрепанной книжке, которую ей как-то дали почитать ненадолго. Вроде бы он ту книжку и написал. Там еще было про кота ученого на цепи. Волосы у мужика хоть и каменные, а кудрявятся, и даже на щеки спускаются — не усы, не борода, а что-то вроде. Нос широкий, губы толстые. Сидит себе в пиджаке и смотрит задумчиво куда-то в сторону. Кошка проследила направление его взгляда — там стояли три красотки с крошечными головками, зато толстыми ногами. Одежды на них, в отличие от мужика, не было никакой, но они не смущались и, казалось, непринужденно беседовали друг с другом, не обращая внимания ни на него, ни на лютый холод. Попадались еще странные фигуры — и не человеческие, и не звериные. Сверху, вроде, человек, а ноги с копытами, как

у свиньи. «Понаставили истуканов!», — в сердцах подумала Кошка. Двинулась обратно — и наткнулась на жуткую тетку, вкопанную по пояс в землю. Черная, страшная, вместо рук обрубки, на месте глаз и рта дыры, заделанные железными прутьями — не иначе, сама смерть это. Уходить, уходить надо отсюда — это, видно, нечистая сила водит.

А еще запах, этот странный запах. Доносился он явно со стороны острова, где возвышались полуразрушенные кирпичные дома, и каким-то образом чувствовался даже в противогазе. И не сказать, чтоб он был противный, наоборот — пахло одуряюще и сладко. Но в том-то и беда, что обоняние у Кошки было развито куда лучше, чем у обычных людей. Запах будоражил, словно хотел рассказать о чем-то, поведать свою историю, отвлекал и мешал сосредоточиться. Он был такой плотный, тяжелый и словно бы маслянистый, что им, казалось, можно было наестся. И хотелось остаться здесь насовсем — лишь бы и дальше вдыхать его и ни о чем не думать. Это было опасно.

Кошка вдруг подумала: как странно выглядит этот парк с голыми черными деревьями, тянущими ветви к небу, где среди кустов то и дело попадаются развалины небольших, точно игрушечных построек и караулят в самых неожиданных местах каменные и железные фигуры. Она наткнулась даже на огромную, в два человеческих роста, деревянную куклу с длинным носом и в островерхой шапке, валявшуюся на земле, уже порядком облезшую, полусгнившую. А потом

набрела на тропу, вдоль которой на каменных подставках покоились одни головы — и словно следили за ней. Мысленно взглянув на себя со стороны, Кошка фыркнула. Несомненно, она и ее спутники, одетые в химзу и противогазы, среди этих фигур представляли собой зрелище не менее странное...

Мелькнуло что-то в кустах или ей показалось? Нет, вроде, там и вправду что-то движется. В одном месте сгусток мрака внезапно принял вид огромной черной собаки. Кошка попятилась, затем нервы у нее не выдержали и она кинулась бежать. Здесь и там валялись крупные валуны, и, споткнувшись об один из них, она свалилась. Сидя на холодной земле, опираясь спиной о камень, огляделась по сторонам. Собаки, к счастью, не было. Куда же она попала?

Поблизости, возле покосившегося маленького домика, стояла широкоплечая каменная девушка в косынке, рубаше и штанах, заправленных в грубые сапоги. Девушка смотрела сурово, а поодаль сидело остроухое животное с огромными выпученными глазами — возможно, тот самый кот ученый. «Может, это все-таки специальное кладбище для каких-нибудь особо выдающихся покойников всех времен? — подумала Кошка. — Тогда было бы понятно, почему фигуры такие разные». Суровая девушка в сапогах и в косынке явно имела мало общего с дамой в пышном платье, которая любезно и равнодушно улыбалась на соседней лужайке. Да, но тогда непонятно, почему нередко попадают изображения одних и тех же людей?

Немного поодаль на подставках стояли еще две каменные головы. Один — лысоватый с прищуром, у другого был мощный открытый лоб, широкое лицо, небольшая борода. «Умные, наверное, были люди, образованные — а до чего мир довели», — с осуждением подумала Кошка. За этими головами она увидела множество белых женских фигур — одна заломила руки как бы в отчаянии, другая сосредоточенно играла на дудочке, третья же развалилась нахально, подперев руками голову, и бесшабашно улыбалась с таким видом, словно ей на все было глубоко плевать.

Неподалеку прямо на земле валялись отдельно огромные, железные, почти не заржавевшие руки, ноги, части тела. Словно неведомые мастера хотели собрать очередного истукана — да надоело им или отлучились куда-то. И будто бы вот-вот вернутся.

Кошка споткнулась, как ей показалось, о камень, взявшийся откуда-то на дорожке. Ей почудилось, что выглядит он необычно, и она, коря себя за любопытство, потянулась за ним, подняла. Понимала, что не дело это — камушки разглядывать, когда в любой момент, в любую минуту... Что может случиться в любую минуту, она додумать не успела, потому что, приглядевшись, поняла, что за предмет она держит в руках.

Небольшой красный замочек в форме сердца. Заржавевший, облезлый, со сломанной дужкой.

Глава 3

Пропавшая экспедиция

Кошка заорала в голос, отшвырнула замочек так, словно он жег ей руку, и кинулась напролом сквозь кусты. Ей чудился треск и топот сзади — словно догоняет ее разгневанная Невеста. Неожиданно проводница нос к носу столкнулась с каменной теткой в широком халате, державшей в руках треугольник, сложенный гармошкой. От толчка тетка начала заваливаться вперед, Кошка оттолкнула ее и понеслась дальше, уже не разбирая дороги, то и дело замечая притаившихся в кустах зверей. Кто из них был настоящий, а кто каменный, она уже не понимала.

И тут она увидела, наконец, знакомое место, обломки каменных чаш. А вон и ее спутники столпились, озираются. Кошка, едва отдышавшись, знаками показала — пора уходить отсюда. Рохля-то был не против, он тут явно чувствовал себя неуютно, а вот Седой и Сергей так увлеклись, разглядывая статуи, что готовы были, видно, остаться тут до утра. Сергей даже поднял какую-то каменюку с земли — на память, что ли?

Седой объяснил знаками, что надо вернуться обратно, и они двинулись было к той широкой улице, но вдруг услышали приближающийся топот и треск. Какое-то крупное су-

щество двигалось прямо к ним, проламываясь сквозь кусты. Кошка, сделав знак остальным бежать за ней, кинулась наискосок, выскочила к железной ограде, к счастью, изрядно поломанной. За ней стояло высокое здание красного кирпича, щерившееся разбитыми окнами. Котика легко взбежала по асфальтовой горке, оказавшись на пороге застекленного помещения, где валялись опрокинутые круглые столики и стулья. Там она остановилась, дожидаясь остальных. Первым догнал ее Топтун, затем, озираясь, подошел Сергей. Рохля же ухитрился споткнуться и упал, так что Седому пришлось тащить его чуть ли не за шиворот.

Треск и топот раздавались совсем недалеко. Кошка, подумав, пересекла застекленное помещение, хрустя осколками под ногами, шагнула в проем двери и оказалась на каменной лестнице. Здесь было как будто тихо. Она поднялась на несколько ступенек вверх и обнаружила, что со второго этажа через большой четырехугольный проем отлично видно, что происходит на первом. Там стояли облезлые, но с виду очень мягкие диваны, на одном из них лежало высохшее скрюченное тело. Кошка, убедившись, что остальные потихоньку подтягиваются, заглянула в ближайшую распахнутую дверь. Это был зал, где рядами стояли стулья, а окна были завешаны тяжелой, плотной материей. Кошка представила себе, как рожденные наверху собирались в этом зале на совет — их мысли, казалось, еще витали здесь. А потом они, наверное, шли в застекленное помещение, садились за сто-

лики и подкреплялись, глядя на зеленеющий перед глазами парк, куда нарочно составили столько скульптур. А может, наоборот, в парк их свезли оттого, что не знали, куда девать. Сделали, допустим, кому-нибудь памятник, а спустя время решили, что не заслужил. Но не ломать же, — ведь трудился над ним мастер. Так убирали с глаз подальше...

Совсем она замечталась, чуть об осторожности не забыла. И тут, сделав очередной шаг, Кошка уловила движение впереди. Кто-то двигался ей навстречу. Она застыла, присматриваясь, прислушиваясь. Тот, другой, тоже замер. Она решила предупредить его и, сделав обманный выпад, ткнула в грудь ножом. Лезвие со стуком ударилось о гладкую поверхность, раздался звон, посыпались осколки. Какой идиот догадался повесить здесь зеркало? Хорошо хоть, не поранилась.

Пора было уходить. Она вышла к остальным, поджидавшим ее у входа в зал. Успокоив их знаками, показала, что хочет спуститься. На ступеньках валялась расписная пузатая кукла — голова и туловище, больше ничего, зато раскрашена красиво. Кошка подняла ее — такие куклы бывают с секретом, в животе одной сидит другая. Тогда диковинку можно выгодно продать.

Здание имело выход на другую улицу, но Кошка, послушав, что творится в парке, решила, что лучше вернуться уже знакомой дорогой. Кто бы ни был тот неведомый, продиравшийся сквозь кусты напролом, — крупный зверь или хоть бы даже сам Царь-Мореход, обходящий свои владения, —

они его явно не интересовали, и он, судя по всему, успел уже уйти далеко. По крайней мере, тяжелых шагов уже не было слышно.

Путешественники вернулись на широкую улицу — прямо напротив выхода из парка виднелись на той стороне другие огромные ворота. Как раз оттуда, с той стороны они и пришли, только не через ворота выходили, а через пролом в изгороди. Может, оно и к лучшему — чем-то жутким вело от этих ворот. Казалось, что это путь в один конец.

Отряд начал подниматься по улице в гору. Справа ограда парка вскоре кончилась. Миновали невысокий дом из коричневатого камня, а следующий — светлый, повыше — стоял на углу, на пересечении с другой улицей. Впереди на тумбе опять маячил тот лысоватый, с прищуром — теперь Кошка вспомнила, что его изображения в большом количестве попадают на Красной Линии. Завернули за угол, обойдя разбитое стеклянное окно на первом этаже, за которым навалена была куча хлама. Кошка вздрогнула, заметив сидящую фигуру. Неизвестный был в порванной, запачканной одежде, но хуже всего было не это. У него не было головы, зато одна рука была приветственно протянута вперед. И ведь явно не мертвец — труп не мог сохранить такое положение. Было в нем что-то неестественное. Казалось, он вот-вот встанет.

Кошка лихорадочно соображала, что теперь делать. Ей довелось в свое время слышать о безголовом привидении в тоннеле, но неужели и здесь они водятся? И чего от него ждать,

чем его задобрить, чтоб пропустил, оставил в живых?

Пока она размышляла, Седой двинулся напролом, отшвырнув неизвестного. Тот со стуком рухнул на пол. Кошка на всякий случай обошла его стороной, хотя уже поняла, что это снова кукла, обманка. Но осторожность никогда не повредит. Она понятия не имела, куда они направятся теперь, но вход в метро неожиданно обнаружился прямо здесь же, в здании. Высокий красивый вестибюль, не чета Фрунзенской. На потолке белые фигуры, и даже окна полукруглые имелись. Но это и плохо, потому что почти все они оказались выбиты.

Путники торопливо спустились по эскалатору и застучали в гермоворота. Рассмотрев их в глазок, часовые открыли без особого удивления, как будто здесь появление чужаков с поверхности — обычное дело. Сначала, как водится, на дезинфекцию отправили, потом принялись проверять с пристрастием. Впрочем, с документами проблем не возникло — сталкерские «корочки» здесь также вызвали уважение. Что предъявил Седой, она не видела, но всех остальных пропустили без заминки. И вот путешественники оказались на станции — усталые, взмокшие, голодные, еще не веря, что спаслись.

Куда же это их занесло? Оказалось — на Ганзу, на Октябрьскую.

Измученной Кошке показалось, что эта станция еще красивее, чем Парк культуры. Светлая, нарядная, затейливая лепнина на потолке и даже на полу рисунок. Лампы горят ярко, как везде на Ганзе, и поперек станции натянуто белое полотнище с коричневым кругом — ганзейский флаг. Люди хорошо одеты, и сразу видно — не впроголодь живут. Много военных в сером камуфляже, снующих туда-сюда с озабоченным видом. Впрочем, Кошке сейчас не до того было, чтоб народ разглядывать, — ей хотелось есть, пить, куда-нибудь сесть, наконец — и все одновременно.

Седой, словно читая ее мысли, отвел их в сторонку, велел дожидаться, а сам ушел, взяв с собой Сергея. Довольно быстро они вернулись, принеся каждому по порции шашлыка и по кружке браги. Кошка, чем пить сомнительное пойло, предпочла бы горячего грибного чая, но спорить не стала. Утолив первый голод, сидя прямо на полу, привалившись спиной к колонне, она вытащила из рюкзака потрепанную карту города и принялась ее разглядывать. Она научилась немного ориентироваться по этой карте, хотя через двадцать лет после Катастрофы, конечно, многое изменилось, и большинство улиц опознать было почти невозможно. И все же ей удалось найти кружочек, обозначавший метро Фрунзенская, откуда они вышли. А вот и широкий проспект рядом. Седой

повел их налево, а если бы они пошли по этому проспекту в другую сторону — она сосредоточенно прочертила на карте царапину — то, получается, пришли бы в Изумрудный Город еще более прямым и коротким путем? Вот же метро Университет, на одном из перекрестков той же улицы.

Получается, Седой вовсе и не собирался идти в Изумрудный Город. Хотя кто знает — может, он располагал какой-то информацией, которой не было у нее. Ну, скажем, в одном месте на карте серая полоска проспекта пересекалась с голубой полоской реки. Значит, там был мост, и вполне возможно, что он был разрушен, и Седой знал об этом. Кошка вздохнула. Изумрудный Город, словно не желая, чтоб его обнаружили, отгородился рекой, холмами и оврагами. Может, и не стоило так стремиться туда? Наверное, если и случилось кому туда добраться, они там и оставались, живыми или мертвыми. По крайней мере, никто еще не вернулся, чтобы рассказать, есть там жизнь или нет.

Но если целью Седого была Ганза, то более идиотский, тяжелый и опасный способ попасть сюда с Красной линии трудно было и представить. Если уж так занудилось Седому на Октябрьскую, мог ведь от Парка культуры на дрезине за один патрон проехать, а не тащить людей по поверхности. Ведь смерти-то они все только чудом избежали, а уж кому не позавидуешь, так это Топтуну. Непонятно, за что погиб, даже жалко его, хоть и был он какой-то мутный человечиска. Теперь-то они были в безопасности, вполне можно было

и рассчитаться. Но Седой с оплатой не торопился, и Кошка почему-то не настаивала. «Куда мне спешить?» — словно оправдывалась она перед собой, не желая сознаться себе, что впервые за долгое время ей вовсе не хочется остаться на свободе и в одиночестве. Чем-то ей приглянулись эти люди. Рохля, такой беспечный, словно невзгоды и опасности к нему отношения не имели, с этой его любимой присказкой: «Ну, ты лентяйка!» Она прикинула, что Рохля ей ровесник, но как же он от нее отличался! Видно было, что парень избалованный — не было в нем озлобленности, не было затравленного выражения в глазах. С настоящими трудностям он еще явно не сталкивался. Но ей казалось, что про людей он все понимает не хуже, чем она. Только она почти всех ненавидела, а в нем было какое-то доброжелательное снисходительное любопытство к ним. И ученый тоже не был похож на высокомерных браминов из Полиса, которых ей случалось видеть. А главное — Кошке казалось, что они смотрят на нее как на человека, а не как на существо второго сорта.

Она оглянулась на спутников. Сергей копался в рюкзаке, Рохля, разморенный после сытной еды, сидел на полу, и голова его клонилась на плечо — вот-вот уснет.

— А все-таки интересно было в парке, — пробормотал он, борясь с дремотой. — Страшно, но интересно. И запах такой приятный. Там ведь шоколадом пахло. Я его пробовал, я знаю.

По лицу Седого словно судорога прошла, он впился глаза-

ми в парня. Но тот больше ничего не сказал. Лицо его, обычно бледное, чуть порозовело, светлые волосы растрепались, он казался очень юным и незащищенным. Седой судорожно вздохнул. Видно было, что ему хочется что-то сказать, и в то же время он не уверен, что стоит доверять свои мысли окружающим.

— А что там за статуя была — женщина с головой кошки? — спросил Рохля.

Кошка вздрогнула. Она не видела такой, хотя раз в парке был мужик с копытами на ногах, то могла найтись и тетка с кошачьей мордой. Но почему парень заинтересовался именно ею?

Сергей задумчиво ответил:

— Я читал, что в Древнем Египте была такая богиня. Не помню, как ее звали, но она была богиней веселья, красоты, любви, плодородия, домашнего очага, удачных родов. За это отвечала ее добрая сущность — та, которая изображалась с кошачьей головой. Но была еще сущность злая — с головой львиной. Убийца и разрушительница.

Кошка вздрогнула. Сергей внимательно посмотрел на нее.

— Что такое сущность? — спросила она.

— Даже не знаю, как бы тебе объяснить понятней. Это как у людей — один и тот же человек может быть то добрым, то злым.

— Настроение, что ли? — уточнила Кошка.

— Не совсем. Скорее, другая ипостась, — и, увидев ее

недоуменный взгляд, добавил. — Другая половина, что ли. Ведь в каждом из нас есть и светлая, и темная половина. Просто древние придумали свое воплощение для каждой из них. Одну изображали доброй, другую — злой, но это были разные лики одной и той же богини.

Объяснил, называется. Интересно, в каких случаях добрая богиня превращалась в карающую? Когда гневалась на людей? Тогда злой она бывала, наверное, гораздо чаще. Но об этом Кошка спрашивать не стала.

— А что такое Египет? — поинтересовалась она.

— Это далеко отсюда, — пояснил Сергей. — Я до Катастрофы ездил с родителями туда на море.

По лицу Кошки он увидел, что та его не понимает.

— Море — это большое соленое озеро, — сказал он. — В нем легко плавать, потому что плотная вода сама выталкивает. К морю ездили раньше погреться, потому что там жарко и солнце светит целыми днями.

— Я никогда нигде не плавала, — сказала Кошка. «Неглинка, куда пару раз свалилась, не считается, там воды мало», — подумала она.

Сергей посмотрел, как ей показалось, сочувственно.

— Интересно, море и теперь осталось? — спросила Кошка.

— Думаю, осталось, — сказал Сергей. — Горы, пустыня — все это наверняка осталось. А то, что строил человек, разрушается. Раньше ученые откапывали из-под земли древ-

ние постройки — следы прежних цивилизаций. Только неизвестно, будет ли теперь, кому откапывать наши следы...

Седой хмуро прислушивался к их разговору. Потом он осушил еще пару кружек браги, и язык у него развязался. Он все пытался напоить и Кошку тоже.

— Давай выпьем, я угощаю, — предлагал он. — За таких людей, каких я сегодня повидал, грех не выпить. Давай сначала за Владимира Ильича.

Кошка не решалась отказаться, чтоб его не рассердить, делала вид, что глотает пенистую брагу.

— А теперь за Феликса Эдмундовича! — говорил он. Потом пришлось выпить еще за Якова, Алексея, Иосифа...

— Эх, какие люди были! — вздыхал Седой. — Гвозди б делать из них... Оттого все и рухнуло — что такие кончились. —

Он с пьяной враждебностью посмотрел на Сергея:

— Ты что-то хочешь возразить?

— Я ученый, я в политику не лезу, — сухо ответил тот, поднялся и отошел. Кошка проводила его глазами. Она поднялась было, собираясь его догнать, но Седой вдруг неожиданно схватил ее за руку и резко дернул обратно. Она изумленно уставилась на него. Рохля клевал носом, не обращая на них внимания, — вот-вот заснет.

— Ну, чего смотришь? — пробурчал Седой. — Поговорить надо.

И вдруг схватил ее за плечо, притянул к себе, обдавая пе-

регаром, зашептал горячечно на ухо:

— Знаю — ты все видела. Но что мне еще оставалось делать? Этот гад за нами шпионил, он бы нас сдал. Эх, грех-то какой на душу взять пришлось!.. А как она его сглотнула, тварь водяная? Никогда не забуду. Теперь снится будет до конца жизни. Знаешь, мы когда пацанами были, летом на речке так развлекались. Бывало, поймаешь кузнечика или муху, крылья оторвешь и в воду кидаешь. Вот он плывет, трепыхается — и вдруг бульк — и нету. Рыбу-то не видно, как она к поверхности поднялась, и кажется, словно сам собой пропал, нырнул. Водоворот только на этом месте — а через секунду опять все как было. И тут тоже — бульк, и нет человека. Вот жизнь наша!.. Знаешь, я смерти-то не очень боюсь — с детства привык на речку через кладбище бегать. Деревня, где летом я жил, на холме была, на самом высоком месте — церковь, ее перед самой Катастрофой отремонтировали, в красивый такой синий цвет покрасили. А рядом каменная арка старинная — вход на кладбище. И тут же речка под горой — все рядом. Там еще по берегам цвели такие мелкие белые цветочки — дикий огурец, что ли. Как же они пахли! Двадцать лет с тех пор прошло, а я до сих пор помню этот запах медовый, дурманящий...

Кошка хотела спросить его, чем пахло в парке, но боялась перебивать. И понемногу из его бессвязного бормотания она, наконец, уяснила себе, в чем на самом деле был смысл этой странной экспедиции.

— Другу-то моему старому, Ивану, уже не помочь было: под подозрением он был, следили за ним. Знал бы, какая сука настучала на него товарищу Москвину, — собственными руками задушил бы. Не виноват ни в чем Ванька, но не оправдаться ему теперь — или в Берилаге сгноят, или расстреляют втихую. Так он хоть Пашку, сыночка своего, завещал мне спасти. А мне тоже терять уже нечего было, вскоре после Ваньки и меня бы взяли, как пособника врага народа. Знали ведь люди, что дружили мы с ним. А тут мы в экспедицию отправились — и концы в воду. Свидетелей нет, никто не знает, где мы. Пусть думают — погибли по дороге. Ермолаева-то я нарочно отправил, он расскажет, что наверх мы ушли. А мы спокойно куда-нибудь на Сокол или в Бауманский альянс подадимся, — бормотал Седой. — Ты уж проводи нас до места — у тебя хорошо получается. А я вдвое, втрое заплачу.

«Расплатится? Или обманет?» Котика делала вид, что колеблется, потом кивнула.

— Вот и хорошо! — обрадовался Седой.

«Всегда так у коммунистов, — подумала она. — Сегодня у них одно, а завтра — другое. Сначала все говорят, что в бога не верят, а потом, как прижмет, начинается, — грех, душа... Потому им доверять нельзя, глаз да глаз нужен...» Но надо было, пользуясь случаем, узнать побольше. И она спросила: — А чем пахло там, на острове? Такой тяжелый, сладкий запах. Для цветов-то сейчас не время, зима приближается.

Седой как-то странно уставился на нее.

— Я-то сначала думал, у меня одного глюки, — изменившимся голосом сказал он. — А парень-то тоже учуял, а теперь вот, оказывается, что и ты почувствовала. Я так думаю — это из прошлого запах. Я ведь помню еще то время, когда на месте храма бассейн был, а напротив, на Болотном острове — фабрика кондитерская. И часто, когда ветер с той стороны дул, казалось, что от бассейна карамелью да шоколадом пахнет... В общем, странные дела там творятся. Я в такие вещи не верил никогда, и в привидений не верил до одного случая, но теперь думаю — что-то такое есть. И еще я думаю, что запах этот — это нам знак был. То, что мы его учуяли, — не к добру.

— А что это за парк был с истуканами? — решила она спросить.

— ЦэДэХа, — непонятно буркнул Седой. — Эх, зря мы тем путем пошли все-таки. Нехорошо теперь на душе. Предчувствие какое-то. Остров этот Болотный... там ведь в старину казнили на площади. Нехорошее место, смутное. Вечно там заварушки какие-то приключались. Словно жертвы требуются земле этой. И кажется мне — не насытилась она еще кровью человеческой. Тоска давит... муторно мне как-то. Не кончится добром наша затея. Я-то ладно, пожил уже, хоть бы Пашку спасти...

Седой умолк, окончательно погрузившись в свои переживания.

«Совсем раскис старик, — подумала Кошка. — То такой был суровый да правильный, а теперь сразу у него и душа заболела, и предчувствия появились. Ну, понятное дело — убийство просто так не проходит, кому и знать, как не мне. Теперь вот мается — все у него виноваты. Место, мол, не то...» Мужчинам вечно лишь бы оправдание для себя найти. Она честнее, она вины с себя не снимала, и за то, что сделала, расплатилась сполна. Но и ей сейчас тоже было не по себе. Интересно, что такое ЦэДэХа? Царское древнее хранилище? Может, потому и памятник Царю-Мореходу рядом? У Седого спрашивать не хотелось — начнет опять какую-нибудь чушь нести и испортит настроение окончательно.

А Седой вдруг поднял на нее невидящие, больные глаза — и Кошка отшатнулась. Не человеческий был взгляд — что-то другое глядело из его глаз с неизбывной тоской. Кошке доводилось слышать от бывалых сталкеров о смертной печати — теперь она понимала, о чем они говорили. У нее возникло отчетливое предчувствие, что совсем немного осталось этому человеку — не жилец он. Кошка и забыла сразу, что хотела сказать.

— Чего, боишься? — болезненно усмехнулся Седой. — Не дрейфь, тебя не убью... пока ты мне нужна.

«Это еще кто кого», — хотела сказать она, но решила, что промолчать будет разумней.

— Эх ты, радистка Кэт! — насмешливо сказал он. — Разве что парочки младенцев не хватает для полного сходства.

«О чем это он?» — подумала Кошка, но уточнять не стала. Видно, это была какая-то шутка, понятная лишь ему одному. А Седой порывлся в рюкзак, извлек оттуда темно-синюю кружку с желтой блестящей надписью «Баден-Баден» и тупо уставился на нее, словно забыл, зачем она ему понадобилась.

— Сашка Клещ принес. Эх, знатный был сталкер, а сгинул глупо. И зачем понесло его тогда опять в «РИАНОВОСТИ»? Там ведь и взять-то нечего было...

Он сделал движение, словно собираясь подняться, но тут кружка выскользнула из его пальцев и со звоном разбилась о каменный пол станции.

Кошка охнула. Седой тупо посмотрел на темно-синие осколки.

— На счастье! — произнес он, но таким голосом, что у нее озноб прошел по спине.

На Кошку он, казалось, больше не обращал внимания, и она тихонько ускользнула, решив поискать Сергея.

* * *

Станция жила своей жизнью, Кошка, пробиралась мимо нарядно одетых людей, мимо лотков торговцев, где были разложены товары на продажу — чаще всего еда и оружие. Но попадались и одежда, и какой-то вовсе непонятный, но ужасно притягательный хлам, собранный, видно, сталкерами на поверхности: фарфоровая статуэтка с отбитой головой, стек-

лянный медведь, железная коробочка, уже почти облезшая, но когда-то, видно, очень красивая. Кошка поглазела на разложенные предметы, краем уха слушая чужие разговоры:

— И прикинь — видит он, что идет по туннелю ему навстречу отряд в рубашках из металлических колец, ржавых таких. На головы горшки железные надеты, в руках — топоры на длинных ручках. Думал, все, глюки пошли. А оказалось, мужики просто в одном из старых подземных ходов наткнулись на древнюю захоронку с оружием и доспехами старинными. Ну и решили опробовать. В этих подземельях и до сих пор черта лысого найти можно... — вещал с авторитетным видом пожилой мужик.

Парень лет двадцати на вид захлеб рассказывал девушке, размахивая потрепанной книжкой:

— А он ей и говорит: «Нечего брагу хлестать, Гертруда». А сознаться-то при всех не может, что отраву в кружку подмешал для сына ее. «Не пей, — говорит, — а то человеческий вид потеряешь, и что я с тобой, пьяной, делать буду?». Но она не послушала — уж очень ей пить хотелось. Выпила — и мертвая упала. А те двое, которые между собой дрались, в это время друг друга закололи. В общем, всем хана.

Девушка рассеянно улыбалась, явно не вслушиваясь в слова. Видимо, парень ее уже немного утомил своими рассказами.

— Да что ты мне про черных заливаешь?! — кипятился худосочный мужик, размахивая руками. Его собеседник

слушал с таким выражением, словно ни одному слову не верил. — Отбили черных уже, говорят. Да и не дошли бы они сюда. Им от ВДНХ сюда переться на хрен не сдалось! Да и руководство обещало... — тут он сконфуженно умолк, истощив, видно, все аргументы, а собеседник презрительно хмыкнул.

Пожилая тетка в цветастом линиялом платье, кутаясь в черный шерстяной платок, рассказывала сидевшей рядом худенькой девушке:

— И вот идут они по туннелю, переговариваются, и вдруг показалось ему, что голос у Маши какой-то странный стал. Он обернулся, фонариком посветил — а это и не Маша вовсе, другая сзади идет. Лицо у нее серое, волосы сухие, ломкие, и платье на ней белое, пышное, только все изорванное и грязное. И говорит она ему: «Что ж ты, милый, испугался? Это ведь ты мой красненький замочек нашел? Замочек-сердечко? Вот теперь и я тебя отыскала, и уже не расстанусь с тобой». Он и оторопел. В голове одно крутится: «Где же Маша?» А покойница и говорит: «Зачем она тебе? Теперь я буду твоя невеста — вместо нее». И руками костлявыми тянется — то ли обнять хочет, то ли за горло схватить...

Девушка слушала, затаив дыхание. В другое время Кошка бы тоже дослушала, чем история кончилась, но сейчас у нее были дела поважнее.

Сергей сидел в одиночестве в самом конце станции с

книжкой в руках. Увидев Кошку, поднял голову. Ей показалось, что он не слишком доволен ее появлением, но она только головой тряхнула: «Я — Кошка. Где хочу, там и гуляю. Не иду, когда зовут, и сама прихожу, когда вздумается».

— Седой хочет в Бауманский альянс идти или на Сокол, — сказала она. — А ты как, пойдешь с нами?

— То есть, они что же — обратно на Красную Линию не вернуться? — удивился Сергей. Кошка подумала: «Может, зря сказала? Может, Седой вообще хотел все от него скрыть, уйти потихоньку вдвоем с Рохлей? А может... — она похлодела. — Ведь Сергей для него теперь тоже — ненужный свидетель...»

А Сергей тем временем о чем-то размышлял. Она ждала.

— Не знаю, надо подумать, — сказал он, наконец. — Я-то надеялся, что мы опять попытаемся попасть в Изумрудный Город. Хотя, честно говоря, предчувствовал что-то в этом роде. Уж больно странным мне казалось — столько времени я просил организовать экспедицию, но согласия сверху не давали, а тут вдруг моментально все решилось. Ясно, что кому-то и зачем-то эта экспедиция очень понадобилась. Но если у них свои планы, то я сам о себе позабочусь. Результат нашей вылазки меня устраивает: хотя до Изумрудного Города не дошли, а все же не впустую сходили, кое-что удалось посмотреть. Но один я, наверное, на поверхность больше не пойду — скорее всего, придется возвращаться на Красную Линию. С другой стороны, если они эмигрировать собира-

ются, меня потом допросами замучают — не поверят, что я их планов не знал. И мои объяснения, что я ученый, и мне это все параллельно, никто даже слушать не станет У нас же там параноик на параноике сидит, особенно — в КГБ. В общем, тут как следует подумать надо, — и он нахмурился.

— Не говори им, что я тебе рассказала, — на всякий случай попросила Кошка. Сергей почему-то усмехнулся. Она и сама себе удивлялась — зачем лезет в их дела? Пусть бы сами разбирались. Но ей хотелось еще с ним поговорить — он что-то интересное сказал вчера про мутантов. Краем глаза Кошка покосилась на обложку книги, которую он держал в руках — «Неотложная хирургия». Интересно, зачем она ему? Он что, еще и врач? Сергей сидел с таким видом, словно его отвлекли от очень важного занятия, и Кошка смутилась. Но он вдруг спросил:

— А ты что решила? Поведешь их?

Ей сразу стало тепло — значит, ему не все равно. Но она виду не показала, пожала плечами с деланным безразличием:

— Я проводник, они обещали хорошо заплатить, если доведу.

— Жаль, — протянул он, и снова сердце у нее забилось сильнее. Пора бы уже было перестать быть такой дурочкой. Она и думала, что давно стала умнее — до сегодняшнего дня так думала.

— Я хотел тебя расспросить, — сказал он, словно изви-

няясь, — как ты это обнаружила, что в темноте видишь? Как это на тебя подействовало в детстве?

«Замечательно, — могла бы она сказать ему. — Меня дразнили и преследовали, и я научилась драться и царапать-ся, чтобы постоять за себя. У меня много разных способностей. Откуда тебе знать такие вещи, ученый? У тебя-то, наверное, было нормальное детство — ведь ты из тех, кто был рожден наверху. Тебя не унижали, не попрекали тем, что непохож на остальных, ты не был изгоем...»

Должно быть, что-то отразилось у нее на лице, потому что Сергей торопливо сказал:

— Не думай, пожалуйста, что я из-за этого по-другому стану к тебе относиться. Наоборот, мне иногда кажется, что будущее — за такими, как ты. Ты сильная, у тебя повышенные способности к выживанию. Иммуитет, наверное, хороший, устойчивость к радиации. Может быть, для остатков человечества спасение в том, чтобы культивировать в себе ловкость, выносливость и неприхотливость, вернуться в первобытное состояние? Жаль только, что нажитые знания будут навсегда утеряны.

Кошка молча глядела на него.

— Мне кажется, что это не мы тебя, а ты нас презираешь, — проговорил он. — Ведь ты приспособлена к нашей нынешней жизни куда лучше.

В чем-то он был прав. Большинство людей она презирала. Но не его. И ей было обидно, что он, видно, считает ее

глупой.

Сейчас она докажет ему, что не такая уж и дура. Да, может, она и мутантка, но на станции своей чуть ли не самой способной была. Не упускала случая узнать что-то новое, говорила с умными людьми, и со странниками тоже общалась, расспрашивала, что в других местах творится. Она знала — ей надо опережать других, быть умнее, сильнее, быстрее, иначе совсем затравят.

Потому-то она теперь и может с ним разговаривать. Знает, какие слова надо говорить, когда беседуешь с учеными людьми. Ей особенно повезло, что пару лет у них на станции прожил настоящий профессор. По крайней мере, он так представлялся, и говорил так мудрено, что иной раз и не поймешь ничего — значит, и впрямь высоколобый, без обману. Сказал, что раньше в Полисе жил, но ушел, потому что с кем-то там поругался. И имя у него было мудренное — Аристарх. А отчество она и выговорить не могла. Звала его «Леоныч», он вроде не обижался. Она возле него крутилась, по хозяйству помогала — постирать там чего или заштопать, а иной раз и сготовить. А он ей про всякие интересные вещи рассказывал. Вообще-то он вредный был и скуповатый, наверное, за это его из Полиса и выгнали, но языком болтать ему не жалко было. А она слушала и училась, как умные люди между собой говорят. Он же ее надоумил сначала в уме каждое слово прокручивать, чтоб от всяких дурных словечек избавляться. А то ведь на станции у них все больше бандиты жи-

ли — ну, и говорили между собой своими словами. А с учеными такие слова не годятся, они если поймут по разговору, что ты им не ровня, то и смотреть на тебя не станут. Леоныч говорил — по разговору можно многое про человека понять, иной раз даже то, с какой он станции. Потому сейчас Кошка особенно следила, чтоб не прорвалось из прежней жизни какое-нибудь словечко.

— Вот ты, наверное, не знаешь, что в Питере в метро тоже люди живут, — оглянувшись по сторонам, прошептала она Сергею, — а ведь так оно и есть.

Он впился в нее взглядом:

— А ты откуда знаешь?

— Один из наших рассказывал. Ему человек с Сокола, со свинофермы, говорил, что видел своими глазами того, кто в Питере побывал и вернулся.

Она уловила тень недоверия в глазах Сергея и заторопилась:

— Там, в Питере, столько всяких ужасов! Взять хоть собак Павлова, но это еще не самое жуткое. Самое страшное — это Кондуктор, его даже Блокадники боятся.

Лицо Сергея все больше вытягивалось.

— Очередная версия байки про Черного Машиниста, — разочарованно сказал он. — А я-то думал, вдруг и вправду...

— Да ведь это правда! Колька Рыжий рассказывал, а он врать не станет! — уверяла она, и с отчаянием чувствовала, что Сергей опять ей не верит. Видимо, авторитет неведомого

Кольки Рыжего вызывал у него сомнения.

— Ну, сама подумай, — терпеливо сказал он. — Как тот человек мог добраться до Питера?

— Ты только не рассказывай никому — это тайна. Они самолет нашли где-то недалеко от Сокола и на самолете туда полетели. Ну, ты лучше меня знаешь, это такой железный аппарат, на котором раньше по воздуху летали.

— Господи, ну как можно верить в такие глупости! — утомленно произнес Сергей. — За столько лет любой самолет пришел бы в негодность, да и летчики все свои навыки порастеряли бы... Ну, а обратно он тоже на самолете прилетел?

— Нет, вроде, на поезде приехал, — пробормотала она, чувствуя, что все испортила, — с каждым словом Сергей явно верил ей все меньше. У него на лице и впрямь читалось разочарование, поэтому Кошка снова кинулась в бой:

— Ты просто многого не знаешь, потому что все время сидишь на своей станции. А сталкеры везде ходят, обо всем слышат и друг другу рассказывают. Люди-то не только в Питере выжили! Один раз в Полисе радиосигнал поймали из далеких краев — не помню точно, откуда. И туда послали экспедицию.

У Сергея на лице отразилось сомнение:

— Да не может быть, — произнес он. — О таком событии было бы уже известно по всему метро. Если бы удалось узнать, что и в других местах уцелели люди — это многое

изменило бы. Наверняка отчеты экспедиции — это была бы настоящая сенсация!

— Да ведь экспедиция-то не вернулась, — пробормотала она. — Чего-то у них сломалось, кто-то погиб, а кто-то в тамошних подземельях остался.

— Да-да, вот так всегда эти байки и кончаются, — фыркнул Сергей.

— Вовсе это не байки. Просто на Красной Линии руководство от людей все скрывает. Я-то про товарища Москвина, генсека вашего, кое-что слышала — не хочет он, чтоб народ свое мнение имел. Вот и живете, как слепые котята, ничего не знаете, что вокруг творится!

На шпильку в адрес товарища Москвина Сергей не обратил внимания.

— Нельзя же верить всем нелепицам, которые рассказывают в метро, — снисходительно произнес он. — А если тебе скажут, что кто-то случайно нашел подводную лодку и поплыл на ней... ну, например, в Антарктиду, искать выживших, — ты тоже поверишь? Ну, тогда останется только поверить в орков и гоблинов!

Насчет орков ей ничего известно не было, а гоблином иногда за глаза называли Леху, но когда один придурок посмел ему в лицо это прозвище высказать, пришлось потом тому

придурку долго кровью кашлять. Из этого Кошка заключила, что гoblin — слово в высшей степени обидное. А между прочим, про подводную лодку слухи какие-то неясные

тоже ходили, но она благоразумно не стала этого сообщать Сергею, чтоб окончательно не испортить его мнения о своих умственных способностях. Тем более, что и сама не очень-то верила. Лодки — это то, что они видели на реке, они могут плавать по воде, но не под водой, когда вода заливаается в них, они просто тонут. А что книжку какую-то потрепанную она читала про подводную лодку, так это все выдумки. Есть какое-то умное слово для таких сказок, но Кошка его забыла. Верить можно только в то, что своими глазами видишь. Вот вичухи, стигматы и горгоны вправду существуют, ей самой не раз приходилось от них спасаться. А подводная лодка — вряд ли. Сомнительно что-то...

— Но ведь люди рассказывают то, что сами видели, или другие видели и им сказали, — попыталась она объяснить. — Вот как узнали, например, что на Острове нехорошо? Один сталкер шел по набережной — и вдруг услышал чьи-то шаги.

Затаился, выглядывает из-за угла — и увидел, кто по Острову ходит. Чуть не умер от страха!

— Кого ж он увидел? — поинтересовался Сергей.

— Царя-Морехода, — чуть ли не на ухо Сергею прошептала Кошка. — Говорят, в лунные ночи он по Острову бродит, успокоиться не может. Может, море ищет или еще какая забота у него. Иногда гром оттуда слышен — это он злится, ногами топает. Говорят, если топнет посильнее, Остров вообще может под воду уйти.

Сергей громко, от души расхохотался — так, что на него обернулось несколько человек.

— Ох, ну ты даешь! Давно так не смеялся! А я уж чуть было не поверил! Сталкер тот, наверное, грибочков пожевал галлюциногенных, вот и померещилось ему! Ну спасибо, рассмешила! А больше он там никого не встретил?

Кошке стало до того обидно, что она не выдержала и расплакалась, как маленькая. Сказалась, наверное, и усталость, и страхи, пережитые в парке, когда она так опозорилась. Кинулась куда-то с перепугу очертя голову, как девчонка несмышленная...

Сергей растерялся и неловко погладил ее по голове.

— Что ты? Что с тобой?

— Мутанта утонувшего жалко, — брякнула Кошка первое, что пришло на ум.

— Какого мутанта? — опять растерялся Сергей. Она кое-как объяснила про маленького ушастого мутанта в ледяной черной воде.

— Да ты все поняла не так, — сказал он, невольно улыбнувшись. — Ушастый вовсе не утонул. Я сам в детстве видел твоего мутанта. И не мутант это никакой, а зверь под названием заяц. Их раньше полно в лесах было. Сказки, басни, стихи детские про них писали. Ну вот, тот заяц — это тоже памятник, как в парке, через который мы проходили. Просто он сидел на камушке, а потом уровень воды поднялся, и он оказался под водой. Какая ты ранимая — так переживать из-

за ерунды.

Ранимая? Знал бы он все про нее — наверное, убежал бы с ужасом. От этой мысли Кошка зарыдала еще горше, а Сергей неловко ее успокаивал. Постепенно Кошка затихла, хотя и продолжала время от времени шмыгать носом — ей хотелось, чтоб он и дальше гладил ее по голове, как маленькую. Но ученый неожиданно чуть отстранился и вынул из рюкзака какой-то предмет.

— На-ка вот, посмотри, что у меня есть.

Это был сероватый камень необычной формы — словно закрученный в спираль. «Та самая каменюка, которую он подобрал в парке», — догадалась она. Ну, и что в нем необыкновенного? Ученый просто хочет отвлечь ее, как ребенка, которому показывают безделушку, ерунду какую-нибудь, чтоб перестал плакать. Кошке даже обидно стало.

— Такими были древние моллюски, — словно отвечая на ее невысказанный вопрос, произнес Сергей. — Ведь миллионы лет назад, когда человека еще и в помине не было, здесь тоже разливалось море, и по дну ползали такие вот создания. В отделке некоторых станций использован мрамор, где иной раз встречаются похожие ракушки, окаменелости, сохранившиеся с незапамятных времен. И древнее море на самом деле никуда не делось — оно до сих пор плещется где-то в глубине, под нами, — Сергей указал под ноги. — Перед самой Катастрофой ходили упорные слухи, что Москва понемногу оседает, проваливается, и вскоре море ее поглотит. Кто зна-

ет, может быть, погружение продолжается, и скоро древнее море сомкнется над нами? Что взрыв не доделал — довершит вода. Чем все началось — тем и закончится. Впрочем, не слушай меня, это у меня хандра. Вполне возможно, что все останется в таком виде еще долгие годы. И люди сумеют приспособиться даже к нынешней жизни. Но для этого придется нам вновь пройти путем эволюции. И кто знает, что ждет нас в конце? Станет ли венцом творения грубый дикарь с дубиной в руке? Или многорукий мутант с глазами на затылке?

Кошка, как замороженная, глядела на Сергея — лицо его казалось вдохновенным, светлые волосы он откинул со лба небрежным движением. Она вдруг подумала, что вовсе он не старей, как ей раньше казалось.

— А некоторые думают, что там, внизу, ад, — робко сказала она. — Такое место, где грешников поджаривают на огне. Говорят, сатанисты на Тимирязевской роют яму вглубь — надеются до него докопаться.

Сказала — и тут же пожалела, что не сдержалась. Лицо Сергея снова приняло снисходительное и скучающее выражение — словно он разговаривал с несмышленным ребенком. Надо было срочно исправлять положение. Не так уж много у нее было опыта в общении с мужчинами, которые ей нравились. Собственно говоря, на ее родной станции таких вообще практически не было. Может, кому-то и нравились мужчины, которые редкий день не напивались, чуть что — пус-

кали в ход кулаки и говорили всякие гадости, но уж точно не ей. А таких, как Сергей или Рохля, Кошка до сих пор не встречала и как говорить с ними, не знала. Но инстинкт подсказал ей — любому приятно, когда его хвалят. И она нерешительно произнесла:

— Ты такой умный... А откуда ты знаешь про все эти вещи — про э-во-люцию и все остальное? Я бы тоже хотела знать побольше.

Кажется, помогло. Лицо Сергея вновь смягчилось.

— Ну, мне ведь все-таки семнадцать уже было, когда Катастрофа случилась, — сказал он. — Я интересовался историей происхождения человека, в Зоологический музей ходил на лекции.

— Какой музей?

— Зоологический. На Никитской. Там нам рассказывали всякие интересные вещи — и про этих моллюсков тоже. Зоологический музей — это такое место, где хранились чучела животных, птиц. И древних, и современных. По ним как раз можно было проследить, как видоизменялись создания природы под влиянием эволюции, приспособляясь к окружающему миру. Был даже зал скелетов, где можно было увидеть останки давно вымерших животных. Ты не представляешь, какие гиганты населяли раньше землю. Мамонты, огромные ящеры. Теперь, похоже, история повторяется — мы на новом витке спирали.

Что такое чучела, Кошка представляла. Среди охотников

Ганзы были любители сохранять на память свои трофеи. Что такое скелеты, она тоже знала хорошо — в ее странствиях они попадались нередко. Но зачем было их специально хранить, Кошке не совсем было понятно.

— А куда потом делись эти гиганты? — спросила она.

— Вымерли миллионы лет назад, — пояснил Сергей. — Из-за огромных размеров им не хватало еды. Ну, и другие были причины.

Вот это было уже непонятно.

— А зачем же они выросли такими огромными?

— Такими их природа создала, — терпеливо ответил Сергей, которого разговор, похоже, уже начал утомлять. Кошка переспрашивать не решилась. Ей представилась Природа в виде огромной женщины, которая создает неуклюжих гигантов — вроде как статуи в парке, где они были.

— А что там теперь, в музее? — спросила она. Сергей с горечью махнул рукой:

— Лучше не спрашивай. Конечно, попортилось все. Я даже и не ходил туда после Катастрофы, чтоб душу не травить. А сталкеры фигню всякую рассказывают — про призраки экскурсоводов, которые там теперь живут, и про черную музейную моль. Я одного попросил принести мне несколько препаратов заспиртованных — там в банках специальных интересные экземпляры были. А он, дурак, подумал, что этот спирт можно пить. Одну банку припрятал, жидкость выпил, а осьминогом заспиртованным попытался закусить.

Уникальный препарат загубил, идиот. И себя заодно.

— Как — себя? — спросила Кошка.

— Как-как. Отравился и умер в мучениях. Дикие люди — никакого соображения. Л учит не думать об этом, а то опять расстроюсь. Такой редкий экземпляр был!

Кошка так и не поняла, к кому это относилось — к сталкеру или к тому, что было заспиртовано в банке. Поняла одно — Сергей огорчился не на шутку.

— А как ты думаешь, чем это пахло в парке? — робко спросила она.

— Я никакого запаха не почувствовал, — сказал Сергей удивленно. — Но могу предположить, что морозным воздухом и гнилыми листьями. Подумать только — уже не верится, что когда-то наверху можно было ходить без противогаза. Эх, я бы с таким удовольствием сейчас вдохнул этот воздух полной грудью!

Они некоторое время молчали, а потом он спросил совсем другим, безразличным тоном:

— Значит, завтра вы собираетесь уходить? Пожалуй, я пока останусь здесь, успею еще решить, куда мне теперь податься. Мне бы в Полис хотелось, к браминам — я б лучше наукой занимался.

Как они вот так умеют — два слова сказал, и сразу кажется, что он уже далеко-далеко, и подступиться нельзя. Она молча поднялась и пошла обратно к Седому — даже отвечать Сергею не стала, боялась, голос ее выдаст. Значит, боль-

ше они не увидятся — что ж, пусть так. Не станет она больше его искать, раз он над ней смеется!

Седой вздохнул облегченно, когда ее увидел. Боялся, что сбежит?

— Вот и наша проводница, — сказал он проснувшемуся Рохле: — Завтра выходим. Нечего тут задерживаться.

Но тот вдруг отрицательно покачал головой.

— В чем дело? — спросил Седой резко.

— А как же Яночка? — спросил Рохля. — Пока не узнаю, что с ней, я никуда не пойду.

Глава 4

Беги, детка, беги!

Седой и Рохля заспорили, и постепенно Кошка поняла, в чем дело. Яночка была любимой девушкой Рохли, а полгода назад она пропала — думали, что попала в лапы бандитам, и те увели ее на Китай-город. Отец Рохли, видимо, не одобрял увлечения сына, а может, власти сочли лишним посылать за девчонкой спасательную экспедицию. Но теперь, оказавшись в непосредственной близости от бандитского притона, Рохля отказывался уходить, пока не узнает что-нибудь о судьбе подруги.

Седой сперва пытался его переспорить, но безразличный, казалось, ко всему парень в этом случае проявил удивительную непреклонность. И Седой как будто сдался, обернулся к Кошке:

— Ну, что делать, избаловал Иван наследничка, а мне теперь расхлебывать. Зайдем уж на Китай-город, коли рядом оказались.

— Мне туда нельзя, — буркнула она.

— Почему это? — спросил Седой.

— Потому что! — отрезала она. — Не пойду — и все.

По ее тону Седой, видно, понял, что спорить бесполезно, и на лице его появилось чуть ли не беспомощное выражение.

Кошка пожалела бы его — если бы могла.

— А что ж нам делать? — спросил он.

— Других проводников искать, — проворчала она.

Но ему, судя по всему, не хотелось искать других — в ее удачу он верил, а здесь явно никого не знал. И все же им удалось договориться — она доведет их лишь до Третьяковской.

Там они отправят кого-нибудь из местных на Китай-город разузнать про Яну и будут ждать известий.

Седой был очень недоволен и весь вечер бормотал себе под нос:

— Вот тоже приспичило — через полгода искать девчонку!

За столько времени ее и след простыл. Бандиты давно убили, небось. А по мне, так может, оно и к лучшему. Если и жива осталась, во что она превратилась-то, среди сутенеров и проституток? Да и девчонка так себе — была бы путная какая, а то свиристелка легкомысленная, таким цена пятак в базарный день.

— А почему такое имя странное — Яна? — подумала Кошка вслух.

— Ничего не странное. Мать-то ее Ульяной назвала, старинным именем, и в детстве Улей кликала. А парню не понравилось — он по-своему переименовал.

Все же когда Рохля оказывался поблизости, ворчание Седого делалось вовсе неразборчивым.

А у Кошки из головы не выходили его слова об отсут-

ствии свидетелей. Ведь сама она, по сути, тоже превращалась в нежелательного свидетеля — получалось, что лишь ей теперь известно о том, что же случилось с ними и куда они направились. Может, в конце пути Седой, вместо того, чтобы расплатиться, попытается и ее убрать? Она решила на всякий случай быть начеку. А еще не давал ей покоя тот странный взгляд Седого — неживой какой-то взгляд. И она все всматривалась в его лицо в поисках смертной печати — но теперь ничего не видела. Вид у Седого был усталый и озабоченный, но самый обычный. И Кошка решила, что все это ей померещилось.

«Интересно, какая она — эта Яна? Красивая, наверное, раз Рохля ее из головы выкинуть не может, — подумала она, ни с того ни с сего почувствовав даже какую-то ревность. — Однако нельзя сказать, что парень так уж спешил ей на выручку, — тут же утешила она себя. — Если бы не поход — мог и вовсе не собраться. Да вот только напрасно все это — девушки, скорей всего, нет уже в живых. А если и жива еще, то, может, сама об этом жалеет».

Обычаи китайгородских бандитов были Кошке хорошо знакомы.

Ночевать устроились в палатках, заменявших гостиницу. Кошке выпало делить палатку в женском отделении со sloвоохотливой старушкой, которая то и дело называла ее дочкой, удивлялась ее мужской одежде и пыталась вывести, ку-

да и зачем она направляется. В конце концов Кошке это надоело.

— На Таганку еду, к медикам тамошним, — буркнула она. — Язвы у меня на руках не заживают, лечиться надо.

Старушка тут же замолчала и постаралась отодвинуться от нее подальше. Кошка облегченно вздохнула и через несколько минут уже спала. Она привыкла засыпать в любых условиях, и даже пары часов ей иной раз хватало, чтобы восстановить силы. А завтра силы ей понадобятся, она это чувствовала.

И все же сон ее в эту ночь был беспокоен. Кошке снилась Природа в виде гигантской женщины в зеленых одеждах, которая выпускала гулять уродливых и неуклюжих белых каменных гигантов, и те брели, слепо пошатываясь, натыкаясь друг на друга. И попадали в руки другой особы — Эволюции. У той было злое и решительное лицо, и она безжалостно расправлялась с уродцами — одних вообще отбрасывала за ненадобностью, других пыталась обкорнать и переделать. Многие уродцы умирали, и было их жалко до слез. Проснувшись, Кошка все удивлялась этому сну. Она вспомнила, что давно еще ей показывали на какой-то картинке Свободу, которая тоже была изображена в виде женщины. Только у нее из головы росли то ли шипы, то ли рога. И тут еще эти разговоры ученого о богине, об эволюции — конечно, немудрено, что все это в ее бедной голове перемешалось.

Когда уже собирались уходить, выяснилось, что Сергей

все же идет с ними до Третьяковской — искать девушку Рохли. Он выглядел веселым, и Кошке подумалось, что Седой пообещал ему что-то — возможно, еще одну экспедицию на поверхность. Она насторожилась — вчера Седой говорил ей совсем другое. Она точно помнила — он собирался добратся вместе с Рохлей в какое-нибудь безопасное место и там осесть. Кошка решила теперь еще внимательнее следить за Седым — может, он просто хочет держать всех свидетелей под рукой, чтоб потом одним махом от них избавиться.

Почему Сергей решил идти с ними? Ведь он сказал ей вчера, что будет сам за себя решать — по крайней мере, так она его поняла. Зачем он после вчерашнего разговора решил все же остаться вместе с ними? Или он ей не поверил, или... Кошка боялась додумать свою мысль до конца — было бы слишком самонадеянно с ее стороны считать, что причиной была она.

* * *

Она удивилась бы и, наверное, расстроилась, если бы ей удалось прочитать его мысли. Сначала, когда Сергей впервые увидел ее на Парке Культуры, у него все же возникло предубеждение, в котором он ни за что бы себе не сознался. Он считал себя человеком широких взглядов, и антипатию к женщине относил не на счет того, что она из мутантов, а скорее на счет, как ему показалось, ее излишней само-

уверенности. Ему всегда неприятны были женщины, пытающиеся соперничать с мужчинами и командовать ими. Он во все не питал предубеждений насчет женского ума, просто не понимал, зачем им так нужно пытаться превзойти мужчин решительно во всех областях. К тому же Сергей не мог отогнать странного ощущения. Она разговаривала правильнее многих, кто встречался ему в метро, но его не покидало чувство, что она просто механически повторяет услышанные от кого-то и заученные фразы, не особо вникая в их смысл. В глазах было совсем другое — отчаяние и дикий страх, как у затравленного животного. Вот это и пугало. Холодок бежал по спине, словно от соседства с опасным зверем, который следит за тобой и ждет малейшего промаха, чтобы кинуться и вцепиться в горло.

Вчера что-то изменилось. Когда она стала рассказывать ему нелепые байки с полной уверенностью в собственной правоте, он почти растрогался. Какой она, в сущности, еще ребенок — так слепо верит всяким глупостям, чем невероятнее — тем лучше. А уж когда она расплакалась, жалея утонувшего зайчика, лед был сломан окончательно. Он понял, что любая женщина, как она ни хорохорится, в глубине души остается существом нежным и ранимым. А уж о том, что она мутантка, он и думать к тому моменту забыл.

И еще у него осталось смутное ощущение, что ей грозит какая-то опасность. Или ей кажется, что грозит.

Впрочем, ради справедливости стоит заметить, что все

эти мысли занимали Сергея недолго. Гораздо более важным ему казалось решить, что делать дальше. От этого выбора, возможно, сейчас зависела его жизнь.

Если он вернется на Красную Линию, скорее всего, ему не поверят и уморят в лагере. Значит, этот путь закрыт. Но странно — Сергей вовсе не испытал сильного огорчения при мысли об этом. Оказавшись когда-то волей случая жителем Красной Линии, он так и оставался на ней по инерции. Тем более, что жена его, испытавшая жуткий шок в момент Катастрофы, категорически не хотела больше никаких перемен в жизни по принципу «Не вышло бы хуже». Но жена умерла несколько лет назад. Он продолжал жить по-прежнему, не особо тяготясь порядками коммунистов, стараясь не замечать неприятных, а порой и жутких вещей. Конечно, он не мог быть ярым сторонником идеологии марксизма-ленинизма, но зато на станциях Красной ветки существовал определенный порядок, и это было лучше, чем либеральный хаос. Тем, кто трудился, был гарантирован кусок хлеба. Да-да, именно хлеба: Красную Линию весьма долго обеспечивала мукой и зерном станция Сокольники, переименованная в Сталинскую. Говорили, что поблизости от нее находился огромный мукомольный комбинат, носивший какое-то нежное женское имя. Сергей поморщился. Он старался не слушать сплетни, но кое-какие вести и до него доходили — об опале секретаря Северной партиячейки, о его дочери, по слухам, убившей собственного отца, а теперь гниющей заживо

где-то в лагере. Может, это хорошо, что у них с женой не было детей? А теперь мучные склады уже опустели — невозможно же бесконечно жить старыми запасами. Красная ветка вновь жила под угрозой голода. И все же по своей воле Сергей вряд ли ушел бы. Но теперь, когда судьба все решила за него, он испытал облегчение. Он ведь ни в чем не виноват. Он не хотел дезертировать, просто так уж вышло. Он мирный человек, ему всегда хотелось заниматься наукой и не влезать ни в какие дразги.

Сейчас у него есть временный пропуск на Ганзу, который сделали ему как члену экспедиции. Но когда срок закончится, его выдворят — и до тех пор ему надо определиться.

Спутники его собираются на Третьяковскую — а почему бы не пойти пока с ними? Воспользоваться случаем увидеть новые места — может, появятся еще какие-то варианты. Сергей, в отличие от умудренной жизненным опытом Кошки, вовсе не опасался подвоха со стороны Кузнецова (проводница называла его Седым), которого знал уже несколько лет, и был уверен, что Топтун упал с моста в реку случайно, без посторонней помощи.

«Можно было бы отправиться в Полис», — думал Сергей. Его всегда манило государство, расположившееся в самом центре метро, на Библиотеке Ленина и трех прилегающих станциях. Только там еще и пытались заниматься наукой, сберечь накопленные человечеством знания. Но вот если бы их экспедиция в Изумрудный Город удалась, ему было

бы что сообщить ученым-браминам, да и военных-кшатриев такая информация наверняка заинтересовала бы. То есть он пришел бы к ним не с пустыми руками. Тогда и отношение к нему было бы другое. А может, не зря Кузнецов обронил, что они еще собираются подняться на поверхность? Продолжить разведку, несмотря ни на что? Надо будет потолковать с ним об этом.

Сегодня он как раз обдумывал предстоящий разговор с военным, а странную женщину-проводника до поры до времени вовсе выкинул из головы.

Тем временем они подошли к переходу в центре зала. Сверху над ступеньками свисал ганзейский флаг, с двух сторон стояли пограничники в черно-сером камуфляже. Здесь кончалась территория Ганзы. Пройдя по переходу, путники спустились по ступенькам на Октябрьскую радиальную. Эта станция выглядела куда более грязной и запущенной, да и строители ее, видно, не заботились особо об украшениях — глазу не на чем было отдохнуть. Квадратные серые колонны, белый потолок без лепнины. Люди здесь были одеты намного беднее и выглядели изможденнее. Прямо сказать, куда более затрапезная станция, да и убирали ее, видно, в лучшем случае по большим праздникам. Не сравнить даже со станциями Красной Линии, где мраморные поверхности обычно натирались до блеска. Но Кошке такая обстановка была не новинку — станция, где она росла, тоже не отличалась из-

лишней роскошью. Наоборот, ей казалось, что в толпе этих оборванцев затеряться легче.

Часовые, проверив документы, пропустили их в туннель к Третьяковской. Один из них еще долго и косноязычно пытался что-то объяснить, но Кошка слушала вполуха, поглощенная своими переживаниями. В память врезалось лишь настойчиво повторявшееся слово «мертвый», но ей было не до того. Давно уже не приходилось ей бывать так близко от родных мест, и она молилась про себя, чтобы все окончилось благополучно.

В то, что девушка, которую они ищут, жива, ей верилось с трудом, но для Кошки удачным исходом было бы и то, чтобы все они вернулись из этого похода живыми. Рохля сегодня выглядел не таким сонным, как обычно, настроение у него было хорошее, словно он заранее верил, что Яну они найдут. Кошка хмыкнула про себя. Парень, видно, надеется, что как только они дойдут до места, его девушка сама выбежит им навстречу, как будто все это время только его и поджидала, целая и невредимая. А что, если она давно мертва? Или от перенесенных испытаний превратилась в отупевшее, изможденное существо? Что он будет делать тогда? По-прежнему захочет забрать ее с собой? Да и как он надеется забрать ее у бандитов — те просто так ничего не отдадут, в лучшем случае потребуют выкуп. Впрочем, патронов у Седого, кажется, хватает, но пожелает ли он отдавать их за девчонку?

Страшно, что там может встретиться ей кто-нибудь из

прежних знакомых. Если узнают, ей конец. Кошка постаралась, конечно, принять меры, чтобы хоть как-то изменить внешность: намазав щеки жиром, припудрила их потом мукой, а веки натерла пеплом. Подумав, под глазами растерла пепел тоже. На голову повязала черную тряпку на манер банданы. Когда она увидела в осколке зеркала, вмазанном в стену, свое отражение, то чуть сама не испугалась. Теперь она чем-то походила на одну из девушек с отдаленных станций, раскрашивавших лица всеми подручными средствами. Для полного сходства оставалось только намазать поярче рот и нацепить побольше железных висюлек — на одежду, в уши, на шею и даже в нос. Но этого она решила не делать, рассудив, что тогда будет, наоборот, чересчур выделяться. Пока она выглядела скорее изможденной замарашкой. Когда Сергей ее увидел, брови у него взлетели вверх, а Рохля лишь тихо присвистнул. Седой ничего не сказал, но в его глазах она заметила что-то похожее на одобрение. Казалось, он понимал, что заставило проводницу сегодня выглядеть таким чучелом. «Ничего, — подумала она. — Главное, капюшон толстовки натянуть до бровей, чтоб лица не видно было». С ее мальчишеской фигурой можно было издали и за подростка сойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.